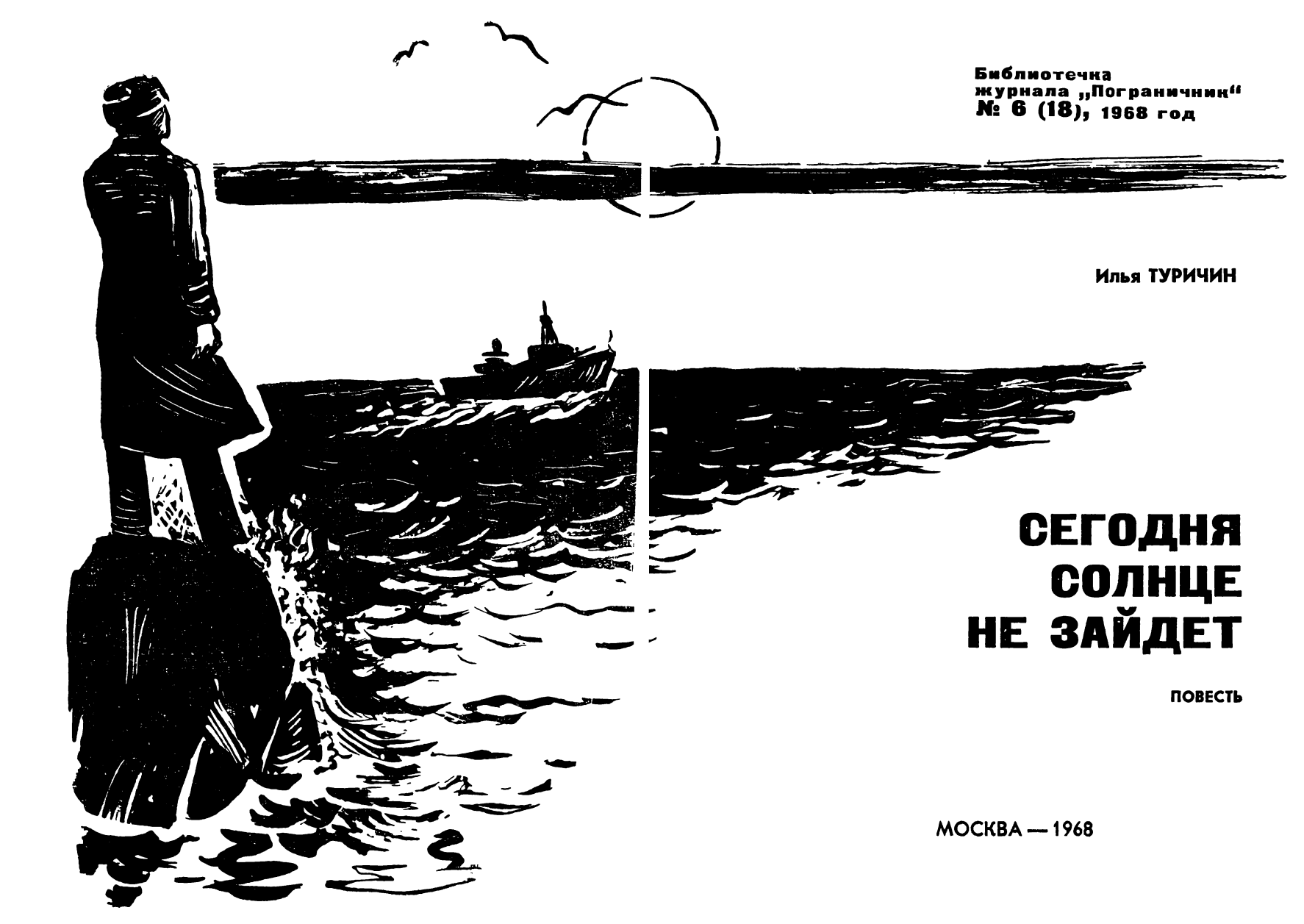

ИЛЪЯ ТУРИЧИН

СЕГОДНЯ СОЛНЦЕ НЕ ЗАЙДЕТ

Библиотечка
журнала „Пограничник“
№ 6 (18), 1968 год

Илья ТУРИЧИН

СЕГОДНЯ СОЛНЦЕ НЕ ЗАЙДЕТ

ПОВЕСТЬ

МОСКВА — 1968

Илья Афонимович Туричин — участник Великой Отечественной войны. Естественно, что его волнует все, связанное с войной, с человеком на войне, — самоотверженность и мужество советского солдата, солдатская дружба, любовь к родной земле, верность воинскому долгу. Об этом он и пишет.

Первая его книжка о войне — повесть «Недремлющий лес» — вышла в 1959 году. Она была посвящена партизанам Брестчины. Потом одна за другой появились книжки «Сердце солдата», «Повесть о мужестве», «Крайний случай».

Во время поездок по стране ему не раз доводилось гостить у пограничников. Обыкновенное знакомство перешло в прочную дружбу, которой писатель гордится.

И. А. Туричин пытается отыскать в людях те черты характера, которые делают человека солдатом особого склада — верным, мужественным, неподкупным и благородным солдатом Границы.

Каждая поездка к пограничникам дает богатый материал для работы. Сейчас писатель задумал приключенческую повесть о пограничниках для детей. Ему хотелось бы соединить в ней свои привязанности к детям и к солдатам границы.

Часть первая

Д Н Е М

День выдался на редкость жарким для этих мест.

Над городом — сизо-бурый пар. Дымят суда на рейде и у причалов. В порту, над деревянными бункерами с концентратом апатита, клубится серая едкая пыль.

Пахнет солярккой, дымом, смолой, гниющими досками, морем. И над всеми запахами властвует самый главный, самый въедливый — запах рыбы, трески. Он ползет от рыбного порта, забивается во все щели, тянется к стенам домов, к кустам смородины на улицах. Даже газированная вода, кажется, пахнет рыбой.

Капитан второго ранга Лохов поморщился, ставя стакан обратно на полку автомата. Взглянул на часы.

Катер придет через пятьдесят минут.

Подняв с перегретого асфальта небольшой чемоданчик, Лохов направился к скамейке в тени.

У него усталое лицо, чуть вытянутое книзу. Светлые, с зеленоватым отливом глаза хмуры. Белесые брови упрямо сдвинуты. Тонкие губы поджаты, и уголки их

опущены, будто все, что видит капитан второго ранга — и порт, и суда у причалов, и люди, — все вызывает в нем безразличное чувство.

Лохов подошел к скамейке. Балагурившие неподалеку молодые матросы, заметив капитана второго ранга, притихли, вытянулись, приветствуя его.

Лохов ответил привычным взмахом руки.

Видя, что офицер больше не обращает на них внимания, матросы занялись своими делами.

Парни были по-южному загорелы. Бескозырки с ленточками, на которых золотилась надпись «Морские части погранвойск», лихо сидели на их головах. Парни успели «оморячиться» в учебном отряде и прибыли служить на Север, считая себя достаточно опытными моряками.

Жаркий день роднил северное море с южным, и им казалось, что служба на севере ничем не круче службы на юге.

Они еще не представляли себе, что кончится северный день и наступит ночь, не знали, что такое снежный заряд. В общем-то, они еще ничего не видели, эти парни в бескозырках, с казенными мешками, с фотографиями девчонок, вложенными в комсомольские билеты, с надписями на фотографиях: «Люби меня, как я тебя», «Сначала вспомни, потом посмотри».

Им еще предстояло опериться, научиться мужеству у скал, зоркости у чаек, померяться силами со штормовыми ветрами.

У Владимира Федорова в комсомольском билете тоже хранится фотография. С нее смотрит большеглазое девичье лицо. Выражение его неумолимо-серьезно, будто девушка никогда не улыбалась. Но Володе легко увидеть, как улыбается Светка. Стоит только закрыть глаза. Когда она улыбается, улыбается все: и прямой нос, и брови, и даже непослушная каштановая прядка, которая все время лезет в глаза. И Володя улыбается. Если смотреть со стороны — очень у него глупое лицо, когда он улыбается, ни с того ни с сего, с закрытыми глазами.

— Ты чего? — удивился Сеня Коган.

— Ничего... Вспомнилось.

Сеня кивнул. Всем что-нибудь вспоминается. Он, например, тоже вспоминает рыжую Фроську, которая живет этажом ниже в их доме на Красноармейской, угол Дерибасовской. И двух слов с ней не сказал. Ей-богу! А вот ведь—вспоминается. И как она смотрит, будто поверх тебя, будто ты букашка перед нею. Очень гордая девушка! И как она идет по улице, чуть покачивая бедрами, и пестрый колокол юбки мечется у ее ног — вправо — влево, вправо — влево, — и от этого кажется, что она не идет — плывет по улице. А то вспомнятся бабушкины вареники с вишнями, и глотаешь слюну, будто некормленный.

— Что же ты вспомнил? — спросил Сеня.

— Так...

— Все тот же сон! — мрачно продекламировал Сеня и подмигнул.

Матросы засмеялись.

— Ничего смешного, — сказал Сеня. — Над каждым можно посмеяться. Даже надо мной! — Он поднял палец и многозначительно потряс им над головой. Палец был желтым от сигарет, с изуродованным ногтем. Сеня сломал ноготь на занятиях, показывая, как он лихо умеет обращаться с концами. Было очень больно, но Сеня даже не поморщился. Кое-как перевязал палец носовым платком и досидел до конца. Потом преподаватель сказал ему, пряча улыбку в неправдоподобно пышных усах:

— Насчет узелков — не очень чтоб очень, а терпение у вас, Коган, есть.

На что Сеня ответил:

— И на том спасибо, товарищ капитан третьего ранга.

Сеня в карман за словом не лезет. За время, прожитое матросами в одном кубрике, к Сене привыкли и даже полюбили его. Он мог часами рассказывать какую-нибудь невероятную историю, тут же придумывая самые

неожиданные ситуации, сталкивая и разводя героев, смешивая в кучу виденное, слышанное, прочитанное и просто тут же сочиненное «по вдохновению».

Как «травит» Коган, приходили послушать из других кубриков и даже из других рот. Сеня стал как бы достопримечательностью.

— Знаете, други, я вам скажу: лучше не вспоминать. Можно до того дойти, что все перезабудешь. Не верите? — После этого загадочного вступления Сеня сажился поудобнее на вещевой мешок соседа и начинал длинный и витиеватый рассказ об одном своем знакомом, который в командировке долго вспоминал все подробности своей семейной жизни. Потом в нем пробудилась ревность, он решил позвонить по телефону домой, жене, но от волнения забыл номер собственного телефона. Тогда он решил запросить справочное бюро в том городе, где он живет, но... забыл название города. И так далее, все в том же веселом духе...

Матросы смеялись. Сеня вдохновенно «травил». И только Володя Федоров не смеялся и не слушал. Он все вспоминал каждую встречу со Светкой.

Село рассекает речка. Неумолчно звенит она в узком каменистом русле. Вода ее чиста и холодна. Сразу за селом речка разливается, чуть успокаивается и журчит под ветлами. А ветлы свесились над водой и все ждут, когда вода совсем успокоится и можно будет поглядеться в нее, как в зеркало. Напрасно ждут.

И Светка склонялась над водой, все пыталась разглядеть свое лицо. А оно дробилось, расползалось. Светке становилось смешно. И смех ее сливался с журчанием воды.

Володька хмурился:

— Рыбу распугаешь.

— Ништяк! — беспечно откликнулась Светка и, наклонясь, баламутила воду руками.

И странно, именно в этот момент клевала рыба, и

Володька выбрасывал на берег то голавлика с толстой серой спинкой, то тощую серебряную верховодку, а то и пугливую пеструю форель. Можно было подумать, что Светка дает рыбе знак клевать.

Они дружат с восьмого класса. Точнее, с новогоднего вечера. Девчонки, как обычно, танцевали, мальчишки сидели на стульях у стены и изредка делали нелепые замечания.

Витька Лопух, из десятого, пристал к Светке. От него чуть пахивало вином. Выпил, верно, на копейку, а куражился на рубль. Светка при всех дала ему пощечину. Лопух ушел. Появился завуч. Светка опустила глаза и сказала, что ничего не произошло.

А когда под утро начали расходиться, затопталась возле дверей. Володьке стало жаль Светку. Лопух, наверно, ждет где-нибудь у тына. Еще накостыляет девчонке по шее. В общем, она ему правильно смазала.

Лопух был старше Володьки и сильнее. Но надо же, в конце концов, воспитывать в себе храбрость, волю и благородство! Ну побьет...

И Володька подошел к Светке, сказал с независимым видом, чтобы не подумала, будто он собирается за ней ухаживать:

— Пойдем, провожу, что ли...

Светка ничего не ответила, только ресницы ее дрогнули.

Вышли на улицу. Дождь хлестал по лужам. Ветер раскачивал фонарь возле школы. За фонарем сгустилась ночная тьма.

Приглушенно звучали голоса. Кто-то озорно заорал песню, но осекся, оборвал на полуслове.

То ли боясь нападения, то ли так просто, чтобы не поскользнуться, Светка уцепилась за рукав Володькиного пальто.

Дождь барабанил по голым тополям, по железной крыше сельсовета. Пахло сыростью, гниющей листвой.

Они дошли до Светкиной хаты никем не потревоженные. Остановились у калитки.

Дождь шумел, стегал спрятавшийся во тьме голый сад. Было такое чувство, что вся земля спит. И только они одни стоят у калитки — одни на всей земле.

— Спасибо, что проводил, — тихо сказала Светка.

— Чего там.

— До свидания...

— Бывай.

Лицо ее качнулось, растворилось в дожде. И даже шагов не было слышно.

Володька глубоко вздохнул и зашагал по лужам.

Жаль, что его никто не видел. Хорошо, что никто не видел его...

А потом потянулись каникулы. Он ни разу не встретил Светку. Все сидел дома, возился с приемником — паял, наматывал катушки, прилаживал лампы.

В первый день после каникул, когда Светка поздоровалась с ним в классе, у Володьки екнуло сердце...

Он сидел один на задней парте у окна. Ему были видны голые тополя с остатками листвы на макушках, кипящая речка, дорога за ней, освещенная нежарким солнцем. Жужжание класса, объяснения учителя не мешали Володьке думать о своем. Но если кто из учителей, уловив отсутствующее выражение его лица, требовал повторить сказанное, Володька вставал и повторял несколько фраз слово в слово. Помимо его сознания в голове фиксировалось то, о чем говорил учитель.

И вдруг на большой перемене Светка подошла к нему:

— Можно, я с тобой сяду?

Володька покраснел. Надо бы ответить поглубже, но как-то неловко. Да и охоты нет обижать девчонку. Только спросил:

— Зачем?

— В окно глядеть буду. — Светка тряхнула головой, тяжелая золотистая коса послушно перекинулась из-за спины на грудь.

— Засмеют... — сердито сказал Володька. И непонятно было, кого засмеют — его, ее или обоих.

— Ничего, — сказала Светка небрежно.

Володька поджал губы, нахмурился. Потом повел плечами:

— Садись.

Когда прозвенел звонок, Светка перетаскала свой портфель на парту у окна.

В классе задвигались было, ехидно зашептались, но появился учитель, и все смолкло.

Володька напряженно слушал, о чем говорил учитель, но, потребуй тот теперь повторить сказанное, Володька не смог бы произнести ни единого слова. Запоминающий механизм в его голове перестал срабатывать...

Шли дни, и класс привык к тому, что они сидят рядом. А потом наступила весна. Стало припекать солнце. Тополя за окном подернулись бледно-зеленой дымкой. Зазеленели и берега реки.

Володька подрался с Лопухом. Пришел к ним в десятый и при всех, сдерживая мальчишеские звенящие ноты в голосе, сказал:

— Если ты еще раз, Лопух, пристанешь к Светлане, я тебя изувечу.

Лопух сперва удивился, потом рассмеялся. Уж очень забавным показался ему Володька. Да и своего достоинства не хотелось ронять. Все слышали, как восьмиклассник угрожал ему, Лопуху!

Он пребольно ухватил Володьку за подбородок и сказал ласково:

— Слушай, семечко, ты с кем говоришь?

Володька дернул головой, вырвался из цепких пальцев:

— Я тебя предупредил, Лопух.

Лопух усмехнулся и вышел из класса. Он отыскал среди гуляющих в коридоре Светку, грубо взял ее за руку, притянул к себе, погладил косу, спросил:

— Как дела, овечка?

Тогда Володька подошел к нему и ударил его ладонью по лицу:

— Я предупреждал тебя, Лопух.

Ослепленный вспышкой ярости, Лопух бросился на Володьку. Володька не уклонялся от ударов. Сжав зубы он давал сдачи. И в ударах его было не меньше ярости, чем у противника...

Кто-то крикнул:

— Атаа!

Дерущихся развели. Учащиеся двинулись по коридору как ни в чем не бывало.

В классе Света заставила Володьку приложить ко лбу ее портфель, точнее, металлическую застёжку портфеля. Но вокруг глаза и по щеке все-таки расплылся синяк.

Лопух — это казалось непостижимым — больше не приставал к Светлане.

...Взрыв смеха оторвал Владимира от воспоминаний. Он вздрогнул, посмотрел недоуменно на товарищей.

Сеня Коган запутался в дебрях собственного рассказа, забыл, как звали героя вначале, и, махнув рукой на сюжет, отчаянно и вдохновенно нес веселую чушь.

Владимир закрыл глаза, пытаясь снова вызвать в памяти улыбку Светланы...

Капитана второго ранга Лохова раздражали болтовня матросов и шутки чернявого одессита. А слова «жена», «семья» вызывали чувство щемящей тоски.

Где сейчас жена? Что делает? Впрочем, об этом он запретил себе думать.

Парни торопятся к морю.

А ему оно тоже причиняет боль, будто бережит свежую рану.

Померещилась дочка — Наташка. Так явственно, что еле сдержал готовый вырваться оклик.

Год прошел, а она все видится ему — подвижная, тонконогая, с лукавыми зеленоватыми глазами — живая.

Вот она, подпрыгивая, бежит навстречу, и башмачки ее стучат по деревянной панели. Виснет на шее, легкая, теплая, дышит в щеку...

Приказать бы матросам замолчать!.. Лохов хотел было уйти, но остался. Откинулся на скамейку. Нельзя быть таким нетерпимым. Одессит ни при чем.

К матросам подошел мичман, сказал:

— От травит! Ну и ну!.. — Скомандовал строго: — Становись!

Матросы подхватили вещевые мешки. Привычно стали плечом к плечу.

Мичман оглядел их придиричиво.

— Ходу на катере три часа с лишним. Еще наговоритесь. Напра-во! Левое плечо вперед, шагом марш!

Матросы дружно зашагали, чуть шире, чем надо,ставляя ноги и слегка покачиваясь. Лохов усмехнулся. Этот флотский шик в походочке был знаком ему. Такую походочку привозили новички, чтобы расстаться с нею на море, забыть навек. Потому что после штормовой северной волны ходишь по берегу, как хмельной. Сейчас матросу хочется качнуться, а потом он будет стараться ходить не качаясь, твердо ступая по земле.

Матросы ушли. Лохов посидел несколько минут, рассеянно глядя по сторонам. Поднялся, подхватил чемодан и медленно пошел к пирсу морского вокзала.

У пирса стоял небольшой катер с открытой всем ветрам палубой. На палубе было тесно — всюду матросы; на чемоданах и узлах расположились женщины.

В дверях рулевой рубки стоял небольшого роста мичман — командир катера.

— Здравия желаю, товарищ капитан второго ранга.

— Здравствуйте, мичман.

— С благополучным возвращением.

— Спасибо. — Лохов легко перешагнул с пирса на палубу катера.

Матрос в серой робе отдал швартовы и по-обезьяньи прыгнул на корму. Чуть дрожа корпусом, катер отвалил от пирса и, описав дугу, пошел на север, мимо судов на рейде, мимо пропыленных дебаркадеров, мимо старенького крейсера, который стоял возле стенки понуро, как доживающая свой век лошадь. Стоял без пушек, без фла-

гов, без дымка, послушно ждал газорезчиков. Они придут и искромсают его уже помертвевшее тело на части, пригодные для мартеновских печей.

Матросы на палубе притихли, напряженно вглядываясь в мертвую машину крейсера. Лохов понимал их: старик крейсер вызывал печальные мысли о бренности жития, о неумолимости времени, которое сломало даже эту суровую стальную жизнь.

Но расступались перед катером береговые скалы, открывая новые и новые просторы залива. Там стояли живые корабли. Таких матросы еще не видали. Чистые линии серых корпусов, гордая, стремительная осанка, грозные ракеты — все вызывало восхищение. Нет, не время властно над нами, а мы властны над временем! У каждого века — своя краса. Отошли в прошлое парусные брига и шхуны, корветы и каравеллы. Прошел свою последнюю милю старик крейсер. Бороздят моря новые красавцы корабли. Это и есть жизнь, новое сменяет старое.

А если старое живет, а новое погибает? Как понять такое? Лохов поежился. Чем ближе Снежный, тем острее неутихающая боль в сердце. Невидящими глазами он смотрел вперед, не замечая, как переглядываются и вздыхают женщины.

— Садитесь, товарищ капитан второго ранга.

Лохов вздрогнул, повернул голову. Тот, чернявый, что рассказывал в порту смешную историю, стоял перед ним, уступал свой вещевой мешок.

— Спасибо, товарищ матрос, — ответил Лохов. — Сидите.

Сеня Коган кивнул и тихонько сел на место.

Катер шел всего два часа, но как изменилось все вокруг! Давно уже не было деревьев, росших в городских скверах и на улицах. Не было и пышного кустарника. Кое-где в распадках суровых пестрых скал лежал снег. Матросы сначала просто не поверили, что это действительно снег. Думали — мел.

Скалы были крутыми, в темных складках, иссечен-

ные серыми, коричневыми, черными жилами. Пестроту им придавали лишайники и пятна зелени — трава и крохотные кустики умудрялись расти даже на голых камнях.

Мичман, который сопровождал из порта команду, протянул руку вперед и сказал:

— More!

И словно в ответ ему, по лицам матросов хлестнул вырвавшийся из-за скал ветер, в катер ударила волна, окатила палубу солеными брызгами.

— Здоровается, — сказал Сеня, и все засмеялись.

Только Лохов не улыбнулся. Сейчас катер повернет влево, в салму (пролив). Прогудит у скалы и ошвартуется возле маленького пирса.

Год прошел с того дня. А все еще невозможно вытравить из себя боль. Встревоженная память все еще тянется к тому дню. Вот так же возвращался из Москвы, с совещания. Летел через Ленинград. Застрял там на трое суток. Купил Наташке игрушку — огромного белого медведя. Когда продавщица заворачивала медведя, маленькая девочка воскликнула у прилавка:

— Мама, смотри! Он не кусается?

Лохов тогда засмеялся, присел на корточки, погладил ее светлые, как у Наташки, волосы:

— Он очень добрый медведь. Я повезу его на Север. И он там будет играть с такой же девочкой, как ты.

Вот так же прогудел катер, обходя скалу. Открылся поселок — десяток каменных двухэтажных домов, окруженных сопками. А за домами — снова вода, морская непроглядная даль.

На пирсе — встречающие. Он искал глазами Наташку — тоненькую девочку с зеленоватыми, удивленными глазами.

Наташки не было.

Только когда катер подошел вплотную к пирсу и матросы завели швартовы на палы, он заметил жену.

Вера стояла в стороне. Лицо у нее было осунувшее-

ся, глаза ввалились. Прядь светлых волос выбилась из-под черного платка.

Рядом с Верой — командир дивизиона, он поддерживал ее за локоть. Красивое лицо командира было строгим и замкнутым. Еще несколько офицеров стояло на пирсе. Катер ошвартовался, но никто не произнес ни слова. И отчего-то вдруг стало страшно шагнуть с палубы катера на скрипучие доски пирса.

Но он сделал это. Он шагнул к Вере. Поймал ее взгляд. В опухших глазах были страх, боль, безумие. Она качнулась, припала к комдиву и заплакала.

Комдив обнял Веру за плечи, сказал тихо, повернув побледневшее лицо к Лохову:

— Мужайтесь, Алексей Михайлович.

Офицеры на пирсе стояли неподвижно, молча. Это молчание было страшнее крика.

Он спросил одними губами:

— Наташка?

Командир дивизиона кивнул...

Катер дал задний ход. Вспенил за кормой воду. Легонько толкнулся о пирс. Лохов подхватил чемодан и первым поднялся на причал. Позади толпились матросы.

Тог, чернявенький, оглядел двухэтажные домишки, песчаный намытый стадион, строгие солки. Сказал:

— Да. Не Одесса. Но живут люди!

«Живут, — почему-то с обидой подумал Лохов. — Живут!»

Он направился было к домам, но представил себе пустую комнату, пыль, накопившуюся за время его отсутствия, и какой-то устоявшийся нежилой запах, который появился после ухода Веры и все не исчезает, повернул круто и по деревянным мосткам пошел прямо на корабль.

Три резких звонка возвестили всем на корабле, что на борт ступил командир.

Вахтенный, главстаршина Куличек, прогрехотав по

узкому трапу, выскочил на палубу, чуть не зацепившись второпях ногой за комингс.

Лохов молча выслушал рапорт. Кивнул. Молча поздоровался за руку.

Куличек отступил к борту, пропуская командира.

Лохов неторопливо зашагал по крашеной железной палубе и, казалось, равнодушно поглядывал вокруг.

Но ни молчание, ни кажущееся равнодушие командира не могли ввести в заблуждение вахтенного.

Главстаршина Иван Куличек знал характер командира. И раньше-то командир отличался сдержанностью, а с той поры, как у него погибла дочка, он и вовсе перестал говорить, будто порастерял в горе слова. Только команды и остались в памяти. Нелегко пережить такое. Командир лицом потемнел, стал замкнутый, но службу несет — не заскучаешь! Это только кажется, что равнодушно поглядывает. Все видит. Ничего не пропустит! Потом вызовет к себе и тихо скажет несколько слов. Никогда не прикрикнет. А тебя аж пот прошибет. Из его каюты вылетишь, что снаряд из тридцатисемимиллиметровки.

Лохов прошел в свою каюту, а Куличек остался на палубе и, сурово хмурясь, погрозил пальцем вахтенному у трапа, хотя тот встретил командира как положено и вообще никаких непорядков на корабле командир, пожалуй, не обнаружил.

Каюта для Лохова давно уже стала домом. Даже в Снежном он предпочитал жить на корабле.

Дома все, решительно все напоминало Наташку. Когда, усталый после трудного похода, он вытягивался на кровати и закрывал глаза, комната, казалось, наполнялась Наташкиным дыханием, тихим ее посапыванием и причмокиванием во сне. И Лохов напряженно вслушивался в тишину. Сон не шел. Засыпал только под утро и просыпался от Наташкиного звонкого голоса... За черным окном была полярная ночь. Ветер завывал над крышей, раскачивал одинокий фонарь. По потолку метался мертвый желтый блик света. Голова была тяжелой, да и все тело каким-то грузным, дряблым. И ничего не

хотелось, не было никаких желаний. Нехотя вылезал он из-под одеяла, босой шел включать чайник, заваривал крепкий чай. Но не чувствовал ни его аромата, ни вкуса.

И на корабле боль не оставляла Лохова. И на корабле, в просторной командирской каюте, жила память о Наташке. Только здесь было как-то легче. Здесь была служба, сотни больших и малых забот. Люди, которых надо и накормить, и одеть, и обучить. Здесь были ходовые вахты со слепыми штормами. И двенадцать миль от берега, священных двенадцать миль, за которыми начиналось «ничье» море. Двенадцать миль от берега — край России, государственная граница Союза Советских Социалистических Республик. Ее надо охранять. Это высокий долг. И кончается он только вместе с жизнью...

Каюта была неподвижна, а на корабле непривычно тихо. Молчали моторы: электроэнергия подавалась с берега по кабелю. За отдраенными иллюминаторами тихо плескалась синяя вода. Чайки, надрывно крича, отнимали друг у друга хлебные корки.

Лохов снял китель, хотел повесить в шкаф, но раздумал, накинул на спинку стула. Он не любил лишний раз открывать шкаф. Из глубины шкафа вопрошающе-грустно смотрел сквозь порванную упаковку белый мишка. Он сидел, обмотанный веревками, будто хозяин боялся, что он сбежит. Казалось, мишка недоумевал, почему его до сих пор не развязали, не вынули из шуршащей бумаги, не отдали девочке, о которой говорили еще тогда, в ленинградском магазине.

Лохов принес мишку на корабль после той страшной прошлогодней ночи, когда вернулся из командировки. Он смутно помнит, как отвел тогда плачущую Веру домой. Потом были длинные, тянувшиеся по земле тени. Солнце, висело уже над горизонтом. Он шел по рыжей земле, по длинным теням, спотыкаясь о камни.

Тени оборвались, когда Лохов поднялся на освещен-

ную солнцем площадку, огороженную низким голубым заборчиком. Среди памятников увидел свежий холмик, обложенный дерном. Венки блестели на солнце.

Лохов опустил на землю. Он ни о чем не думал. Все перемешалось в потрясенном сознании — скалы и солнце, небо и море, свет и тень.

Уходя, протяжно загудел внизу корабль. Гудок будто толкнул Лохова. Он поднялся, машинально отряхнул китель.

Солнце стояло над головой.

Только сейчас он подумал о Вере. В горе он как-то забыл о ней. Будто он один, только он скорбит, только он потерял дочь, только ему одному она принадлежала...

Когда он пришел домой, Вера сидела в углу дивана, поджав ноги, кутаясь в шерстяной платок. Глаза ее потускнели, в них затаилась боль. Она уже не плакала, слез не было. Она встала и, все еще кутаясь в платок, побрела на кухню, поставила чайник.

А Лохова покорило: как она может думать о еде! Он прислонился к косяку спиной и пустыми глазами следил за руками Веры, накрывавшими на стол. Руки двигались привычно и ничего не забывали — ни солонки, ни салфетки, — ничего.

Будто угадав мысли мужа, Вера вдруг опустила руки и замерла возле стола, глядя испуганно и умоляюще.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть ее. Наташи нет, а она накрывает на стол...

— Как же ты недоглядела? — сказал он глухо.

Но ей показалось, что он крикнул. Она даже сразу не поняла, что муж обвиняет ее. А когда поняла — помертвела. Ухватилась за край стола.

— Я пойду, — сказал Лохов. — Я еще не докладывал.

— Поешь... — откликнулась она беспомощно.

Он взял чемодан и ушел на корабль. В чемодане лежал белый мишка...

Лохов нажал кнопку звонка.

Приказал пригласить в каюту замполита.

Дежурный повторил приказание и бесшумно закрыл за собой дверь.

Лохов сел к письменному столу, положил на него темные от загара руки. Пора поговорить. Если замполит не поймет его — значит никто не поймет. Лохов тяжело вздохнул, достал из кармана портсигар, щелкнул зажигалкой. Затянулся жадно.

Пришел замполит Сергей Николаевич. Они не виделись десять дней. Поздоровались.

— Садись, рассказывай. Какие новости?

— Да ты и сам знаешь. Завтра пополнение будем принимать. А других новостей нет.

Лохов вспомнил матросов на катере. Кивнул. Потом стал рассказывать о совещании в Москве, куда его посылали как командира отличного корабля.

Замполит понимал, что не это главное. О корабельных новостях можно было поговорить и в кают-компании за ужином. Если уж командир пригласил к себе, значит разговор будет особый.

Капитан-лейтенант Сергей Николаевич Семенов служил с Лоховым пятый год. Был он небольшого роста, круглоголовый, стригся «под ежик». Серые глаза смотрели на собеседника неизменно серьезно и внимательно, а по-детски пухлые губы всегда, казалось, были готовы разойтись в улыбке. Как и командир, был он немногословен, но те слова, которые он, обращаясь к людям, произносил спокойным, ровным голосом, западали в душу. И даже примелькавшимся газетным словам он умел возвращать их первоначальное звучание. Потому что вкладывал в них свою горячую убежденность и никогда не отрывал слова от дела. С командиром у него не бывало разногласий, хотя не все им нравилось друг в друге.

Когда разговор на корабельные темы иссяк, они вместе закурили. Замполит курил спокойно, чуть посапывая и пуская голубые колечки к потолку. Он был большим мастером пускать колечки и любил следить, как они вхо-

дят одно в другое и растягиваются, напоминая изображение радиоволн.

Лохов затягивался чаще, чем обычно, будто его подгоняли и он спешил докурить сигарету. Потом резким движением придавил окурки в пепельнице и сказал с хрипотцой:

— Я рапорт подать хочу. — Замполит молчал. Лохов посмотрел на него вопросительно: — Что скажешь?

Замполит понял, о чем говорит Лохов, но хотел, чтобы все было названо своими именами.

— Какой рапорт? О досрочной смене башмаков?

Лохов нахмурился:

— Не хитри, Сергей Николаевич. — Он встал, подошел к иллюминатору, последил за мотающимися над водой чайками. Произнес угрюмо: — Уйти хочу. В отставку. Понял? — Замполит молчал. Лохов сказал с заметным раздражением: — Тринадцать лет здесь, в сопках. На этой воде. Хватит! — Он вынул из портсигара новую сигарету и тут же, не закуривая, сунул ее в пепельницу.

— Ты пойми, — продолжал он. — Ты только пойми. Я все время об этом думаю. Раньше — пусть мороз, пурга или шторм, вернешься — дом, дочка ждет, жена... Эх, море, будь оно... — Лохов вздохнул. — Думаешь, отчего Вера ушла? Она и раньше моря боялась. Бывало встанет у окна, слушает, как ветер с крыши железо рвет, сцепит пальцы... Вижу, не по себе ей. А что я мог? Я морской офицер. Море, оно всегда между нами стояло. Но была Наташа... — Лохов доставал сигареты, мял их, крошил. — И вот она погибла. И Вера ушла... — Лохов умолк, растерянно посмотрел на табачное крошево: — Что ж ты молчишь?

Семенов вздохнул.

— Что я могу сказать, Алексей Михайлович? Понимаю я тебя, а принять не могу. Все вроде так, и все не так. Я на твоём месте написал бы жене.

— О чем?

— Обо всем. Вот как мне. Множество нитей связывает близких людей. И не все рвутся. И надо те, что

остались, сплести, понимаешь? В трос сплести, чтобы дальше не рвались.

— Ниточки... Все это слова.

Семенов рассердился:

— Лечиться тебе надо, Алексей Михайлович. Гимнастику по утрам. Холодный душ, обтирания.

— Смеешься?

— Нисколько. Думаешь, только у тебя боль? На корабль перебрался. По сути дела, оставил Веру Ильиничну один на один с тем самым морем!

Лохов протестующе поднял руку, но замполит не дал ему возразить, вскочил со стула и, широко расставив ноги, наклонил голову, будто хотел кольнуть Лохова своим «ежином».

— Раз уж ты начал этот разговор, скажу тебе все, что думаю. На море, конечно, не легко. Я Веру Ильиничну понимаю. Но ты... Человек — это человек. И в горе и в радости! А ты в себе замкнулся. Горе свое лелеешь, прости меня за откровенность. А к ее горю... Да ведь она мать. Понимаешь — мать! Что ж, у нее слезы преснее твоих? Рапорт!.. Что ж, подавай. Твое право!

Лохов молчал. Внезапное нападение замполита сбilo его с толку. Никогда никто не говорил с ним так резко. И первое, что он почувствовал, была обида. Словно замполит дал ему пощечину.

— Хорошо, — сказал он сухо. — Вы свободны.

И замполит ушел. А Лохов все стоял у иллюминатора, не видя ни волны, ни чаек. И громоздкие, слепые мысли тянули его куда-то в холод, во мрак.

Владимир Федоров попал вместе с Сеней Коганом и еще несколькими товарищами на «Самоцвет». За ними пришел мичман, небольшого роста, с морщинистым лицом и линиями глазами.

Мичман построил всех, кто получил назначение на «Самоцвет», сделал переключку. Называл фамилию, имя, отчество, а когда матрос откликнулся, подходил к нему

вплотную и пристально глядел в лицо, будто невеста какое чудо рассматривал. Потом откашливался и называл следующую фамилию.

Матросы переглянулись, а Сеня Коган с трудом сдержал смех.

— Значит, так, — сказал мичман, когда закончил переключку. — Более или менее я вас запомнил, какие вы есть. Моя фамилия Зуев, звать Флегонт Флегонтыч.

Сеня Коган все-таки приснул.

— Спокойненько, — нахмурился мичман. — Моего отца звали Флегонтом, и деда Флегонтом, и прадеда Флегонтом. И сколько бы нас в роду ни было — все Флегонты. Семейная традиция. От пещерного человека и выше.

Тут уже все засмеялись. А у мичмана в глазах промелькнула лукавинка:

— Ну-ну, веселенькие. Если матрос умеет зубы скалить, то он и голичком неплохо управляется. Опыт имею. Поскольку я ваш боцман. Прошу любить и жаловать. И учтите, корабль, на который я вас сейчас поведу, не простой, а ПСКР «Самоцвет», что значит: пограничный сторожевой корабль «Самоцвет». И имеет звание «отличный». И это надо понять и учесть сразу. С первого шага по нашей прославленной палубе. Вот вы, товарищ... Коган Арсений Львович, так?

— Так, — кивнул донельзя изумленный Сеня.

— Вы с южных мест. Как вам показался Север?

— Ничего, товарищ мичман. Пустовато, головато, но живут люди.

— Север, товарищ Коган, понять надо, а прикипишь к нему сердцем — никаких тебе абрикосов-персиков не потребуется! Вот так. Курите?

— Курим, — откликнулись матросы.

— Тогда перекур.

Матросы протянули мичману папиросы, сигареты. Мичман смешно приподнял белесые брови. Потом решительно протянул руку и заскоруждыми пальцами ухватил несколько сигарет у одного из матросов. Одну су-

нул в рот, другие, аккуратно сложив рядком, запихнул в нагрудный карман кителя:

— Пусть полежат, а то где я потом искать буду эту дивную пачку?

Матросы засмеялись, зачиркали спичками и зажигалками.

Боцман понравился.

Мичман Зуев не курил, а священнодействовал: зажав сигаретку между большим и указательным пальцами, он плавно подносил ее ко рту, набирал полный рот дыма, затем таким же плавным движением отводил сигарету в сторону и только после этого глубоко затягивался, задерживал дым в легких, а потом неторопливо выпускал тонкой струйкой.

— Давно курите, товарищ мичман? — спросил Коган.

— С войны. Это особая история. Служил я тогда на суше, в пограничных войсках. Здесь же, на Севере. В сорок третьем летом пошли с заданием в тыл врага. Идем. Кругом болота непроходимые. Дичи видимо-невидимо. А комарья!.. Спасу нет. А спастись надо. Пока идешь — вроде бы ничего. А как присел — облепят, будто ты пряник медовый. Ну и закурил. Попросил у сержанта махорки, скрутил, как умел, цигарку и давай смотреть. — Он лукаво оглядел матросов. — Дыму на кочку напустишь, сунешь туда лицо. Кочка долго дымится, курится. Только тем и спасались. Вот таким макаром я пристрастился к табачку. — Мичман бросил в урну окурок и скомандовал: — Становись!

Подошли к пирсу. Был отлив, и пирс словно вылез из воды, а корабль провалился вниз. И оттого, что пирс повис над кораблем, корабль Владимиру показался маленьким. Наверно, и Сене он показался маленьким. Потому что Сеня вздохнул и запел тихонько: «Шаланды, полные кефали...»

— Смирно! — крикнул боцман.

Матросы замерли.

С палубы корабля по узенькой сходне проворно под-

нялся офицер. Матросы узнали того самого капитана второго ранга, который шел с ними на катере.

— Товарищ капитан второго ранга, новое пополнение в количестве семнадцати человек направляется на корабль «Самоцвет» для несения службы.

Лохов строго осмотрел шеренгу глядящих на него во все глаза матросов. Потом скомандовал:

— Вольно!

Козырнул и застучал ботинками по трапу, подымаясь на берег.

— Вольно, — весело повторил Зуев и добавил с уважением: — Командир «Самоцвета» капитан второго ранга Лохов Алексей Михайлович. Лихой. Его само море боится! Так вот, товарищи матросы, сейчас вы ступите на палубу своего боевого корабля. Здесь будет идти ваша служба. У кого в сей момент не забьется сердце, тот есть не что иное, как сухопутная крыса. Потому что корабль для настоящего матроса есть не что иное, как альба мать. — Он многозначительно поднял палец.

— Альма, товарищ мичман, — сказал Владимир.

— Альма — собачья кличка, — возразил Зуев.

— Никак нет. «Альма» в переводе с латинского значит «кормящая». «Альма матер» — значит «кормящая мать».

— Однако, вы научный спорщик, товарищ Федоров Владимир Николаевич, если не ошибаюсь.

— Так точно.

— Мичман Зуев имеет память, — сказал Зуев. — Стало быть, «кормящая мать», говорите?

— Так точно.

— Гм... Запоминайте, матросы, для вас корабль вроде бы кормящая мать, а точнее — отец, поскольку он корабль, а не какая-нибудь там посудина. И несет Государственный флаг военно-морских частей погранвойск СССР. Это понимать надо каждой жилочкой... Смирно! На корабль шагом — арш!

Звонко задробили матросские ботинки по деревянно-

му трапу. Вахтенный у трапа вытянулся и поднял руку к бескозырке, приветствуя новых товарищей.

У комдива было совещание, и Лохов зашел в фин-часть отчитаться.

— С приездом, товарищ капитан второго ранга. — Начфин, старший лейтенант с круглой и лысой, как футбольный мяч, головой, поднялся из-за стола. — Как Москва?

— На старом месте, — ответил Лохов, беря бланк отчета. Разговаривать ему не хотелось. В нагрудном кармане лежал рапорт об увольнении.

Лохов, избегая взгляда начфина, сел на скрипучий стул и, положив на краешек стола бланк, стал заполнять его. А в ушах все еще звучали обидные слова замполита: «Горе свое лелесешь?..»

Лохов подписался и протянул бланк начфину.

Начфин поводил кончиком красного карандаша над строчками. Приподнял удивленно брови:

— Нулик лишний, товарищ капитан второго ранга.

Лохов нахмурился:

— Прошу извинить.

— Бывает, — вздохнул начфин и подумал не без зависти: «Погулял, наверно, в Москве в свое удовольствие».

Совещание у комдива еще не кончилось. Лохов хотел было направиться домой и прийти в штаб попозже, но остановился в коридоре у окна. В бухте, замкнутой скалами, прижавшись друг к другу бортами, стояли корабли. На палубах неторопливо двигались светлые фигурки матросов. Чайки пикировали на беспокойную воду, будто штурмовики, сбивали крыльями легкие гребешки волн, хватали добычу и снова взмывали вверх. И сизо-синяя бухта сверкала на солнце, слепила.

...Комдив не сможет отказать. Пошлет рапорт дальше. Через месяц-другой придет ответ. Он, Лохов, соберет пожитки... Покинет эти скалы, бухту, корабли, хол-

мик на кладбище... А может быть, все это отправится вместе с ним, и куда бы он ни приехал, на какой бы край земли ни забрался, за окошком незримо будет плескаться, сверкая, эта синяя вода, будут стоять в обнимку корабли и неотвязно будет звучать в ушах крик чаек...

В самом деле. Придет ответ на рапорт. Куда ехать?

Чайки жадно хватали добычу, отнимали ее друг у друга, жирные, здоровенные чайки... Казалось, он слышит их резкие крики сквозь наглухо закрытое окно.

Все равно куда, все равно... Только бы подальше от этих чаек, от этой воды... Чайка выхватила из воды серебряную рыбку, и тотчас другие начали бить ее крыльями, отнимать добычу.

...Лохов вспомнил вечер, когда видел жену последний раз. С тех пор как погибла Наташа, они, в сущности, не разговаривали. Ни о чем. Ни о прошлом, ни о будущем.

Он все же перебрался с корабля домой, но жили они под одной крышей почти молча, как чужие.

— Обедать будешь?..

— Пришей, пожалуйста, пуговицу...

У Веры всегда были припухшие от слез глаза, но он не видел, как она плакала. Она не плакала при нем. Тихо двигалась по квартире или сидела в углу дивана, поджав под себя ноги, и что-то вязала. Пальцы привычно орудовали тонкими молниями-спицами, а она все думала и думала о чем-то. А может быть, ни о чем не думала? Лицо ее каменело, взгляд становился неподвижно-отчужденным, как у слепых.

Иногда тишина начинала угнетать Лохова, тиканье будильника заполняло всю квартиру. Лохов морщился, но молчания не нарушал, с Верой не заговаривал. Надевал шинель, ронял угрюмо: «Приду поздно» и шел на корабль.

...В тот вечер «Самоцвет» уходил в море. Уложив чемодан, Лохов уже взялся за шинель.

— Подожди, Алеша, — неожиданно сказала Вера.

Она стояла у стола, зябко кутаясь в платок. В зеле-

новатом свете люстры лицо ее выглядело особенно бледным, измученным.

Он надел шинель и остался стоять в дверях.

— Как же дальше, Алеша? — тихо спросила она не то с отчаянием, не то с надеждой.

Лохов молчал. Наверно, надо было ответить. Он и сам задумывался над этим «дальше». И все-таки вопрос застал его врасплох. И он не ответил.

— Я больше не могу так, Алеша... Все время одна... Всегда одна...

— У меня служба...

— Оно шумит днем и ночью... Я слышу только этот шум... Без конца... С ума можно сойти...

— Здесь все его слышат. Пора бы привыкнуть.

Вера глядела на него не мигая. Он стал зачем-то встряхивать в руках ушанку, снял с рукава волос.

— Мы живем как-то не так... Что-то у нас не так... — сказала Вера.

Он и сам понимал это, но только пожал плечами:

— Мне сейчас некогда. Вернусь из похода — поговорим. До свидания.

И ушел. Потом он ругал себя за то, что ушел, не успокоив ее и не успокоившись сам.

Две недели рыскал «Самоцвет» в штормовом море. Две недели Лохов мысленно разговаривал с женой. И впервые после гибели дочки его по-настоящему потянуло к Вере, к домашнему теплу, к домашней тишине. Он найдет нужные слова, и все станет на свои места, все будет как прежде.

Когда возвратились в базу, шел снег. Вода у пирса была черной, а пирс — белым даже в ночи. Ошвартовались.

Лохову казалось, что электрики необычно долго подключают кабель и телефон и что прибывшие на корабль комдив и начальник политотдела слишком долго и подробно расспрашивают о походе. Он отвечал коротко, скупно, точно, а думал в это время о Вере. Сошел на берег вместе с начальством и заторопился.

Шел, прислушиваясь к собственным шагам, и хруст снега после рева штормового ветра казался особенно приятным.

Лохов поднялся по лестнице, открыл ключом дверь. В квартире было темно и тихо. Значит, Вера спит.

Стараясь не разбудить ее, Лохов снял шинель и на цыпочках прошел на кухню.

Поблескивали на полке кастрюли. Тут же — опрокинутый чайник. Значит, Вера не ждала. Иначе чайник хлопотал бы на электрической плитке.

Лохов прошел в столовую, зажег свет, прислушался. В квартире стояла непривычная тишина. Медленно переводил он взгляд с предмета на предмет и вдруг понял: молчит будильник. Поэтому в квартире такая странная тишина. Лохов осторожно обошел стол и заглянул в спальню. Кровать была аккуратно застлана пестрым покрывалом. «Может быть, ушла в гости?» — подумал Лохов и посмотрел на часы. Было три часа ночи. Он зажег свет и увидел на пестром покрывале белое пятно — лист бумаги.

Он не притронулся к нему. Он даже не подошел к кровати, а зачем-то вернулся в столовую, постоял там, потом отправился на кухню, заглянул в ванную.

Всюду был порядок. Все вещи стояли и лежали на своих местах, но были чужими. Будто он пришел не домой, а в музей, где со скрупулезной точностью восставили все, что было в его квартире.

Лохов понял, что Вера не в гостях, что она ушла. Совсем ушла.

Он постоял возле молчавшего будильника, взял его в руки, встряхнул. Будильник протикал несколько раз и умолк.

Лохов осторожно поставил его на место, прошел в спальню и, не притрагиваясь к листку, прочел несколько слов, торопливо написанных карандашом:

«Больше нет сил, Алеша. Уезжаю к маме. Нам надо попробовать пожить врозь и... (зачеркнуто). Если ты... (зачеркнуто). Если я тебе нужна — напиши. Вера».

Лохов сел на кровать. «Ушла. Уехала... Пожить врозь... Напиши...»

Он сдвинул виски ладонями и долго сидел так, не шевелясь. Неумолчно гудело море.

...Из кабинета комдива вышли несколько офицеров. Лохову не хотелось задерживаться. Он стремительно пошел им навстречу, как очень спешащий человек, молча козырнул и открыл дверь в кабинет комдива:

— Прошу разрешения.

— Входите, Алексей Михайлович, здравствуйте. — Комдив поднялся из-за стола, протянул руку. — Как съездили?

— Нормально.

В кабинете висели клубы табачного дыма. Комдив подошел к окну, толкнул створки. В комнату ворвались запахи моря, водорослей, крик чаек.

— Ужасно у нас курят в дивизионе. Хотя медики и утверждают, что одна капля никотина убивает лошадь, по нашим офицерам этого не скажешь.

— Просто они выносливее лошадей, — сказал без улыбки Лохов.

Комдив засмеялся.

— Садитесь, Алексей Михайлович, рассказывайте, как прошло совещание, какие новости в управлении.

Лохов сел в кресло, обитое холодным дерматином. Он не любил мебели, обитой дерматином, диван и кресло в своей каюте приказал зачехлить.

Лохов стал рассказывать о совещании в Москве. Командир дивизиона слушал внимательно, чуть склонив голову набок и положив руки на письменный стол. У Георгия Станиславовича Осипенко было красивое лицо — правильные черты и прямой нос, высокий открытый лоб и темно-синие глаза. На висках пробивалась едва приметная седина. Руки у него тоже были красивые, с тонкими, нервными пальцами музыканта. До Снежного

Осипенко служил на Дальнем Востоке, командовал кораблем. Был в одном звании с Лоховым.

Выслушав Лохова, он задал ему несколько вопросов. Лохов отвечал коротко, четко, потом попросил разрешения закурить.

Комдив следил, как Лохов достает из кармана потерянный портсигар, мнет в пальцах сигарету, как щелкает зажигалкой и делает первую затяжку.

— У меня к вам, товарищ комдив, личное дело.

— Слушаю, Алексей Михайлович.

Лохов несколько раз жадно затянулся, сунул сигарету в пепельницу и встал:

— Прошу принять рапорт об отставке.

Он достал из нагрудного кармана кителя сложенный вчетверо голубоватый листок и, не разворачивая его, протянул комдиву.

Комдив тоже встал, как бы подчеркивая равенство в звании и свое уважение к командиру отличного корабля, развернул листок, прочел дважды.

— Весьма печально, Алексей Михайлович, — сказал он тихо. — Я понимаю... Но, может быть, не надо торопиться?

— Решение принято, Георгий Станиславович.

Комдив покачал головой:

— Хорошо, Алексей Михайлович. Раз вы настаиваете, я дам рапорту ход. Но не сейчас. Интересы службы заставляют меня задержать его на некоторое время. Мы с вами пограничники и коммунисты. Вы должны понять, товарищ капитан второго ранга.

— Я понимаю, товарищ капитан второго ранга. И все же настоятельно прошу при первой же возможности...

— Не сердитесь, Алексей Михайлович, — мягко перебил комдив, — но хотелось бы, чтобы вы еще и еще раз подумали. Пока рапорт лежит у меня, не поздно взять его обратно.

— Благодарю. Но решение принято. Разрешите идти?

— Да.

Осипенко посмотрел вслед Лохову, вздохнул, подо-

шел к окну. Сверкала бухта. У пирса, прижавшись друг к другу, стояли корабли. Над водой кружили золотые под солнцем чайки. Комдив снова вздохнул, может быть сожалея, что корабли уйдут в море, а он останется здесь, в базе, с этими нахальными, крикливыми чайками.

Он вернулся к столу, еще раз перечитал рапорт Лохова. Подумал неожиданно: а как он, капитан второго ранга Осипенко, поступил бы, случись вот такое, утони его Костька?.. И даже вздрогнул от этой мысли. Потянулся к телефону, попросил соединить себя с квартирой. В трубке пошуршало, щелкнуло, раздался звонкий ребячий голос: «Осипенко слушает».

Комдив улыбнулся.

— Как настроение, Осипенко?

— Хорошее.

— Что делаешь?

— Вертолет чиню.

— Ну-ну. Чини. Отбой.

— Есть отбой! Ты сегодня скоро придешь?

— Скоро.

— Отбой! — весело повторил мальчишеский голос.

И в трубке осталось только шуршание. Комдив бережно положил ее. Как бы он поступил, случись с ним такое?..

Вот и сбылась мечта, вернее, половина мечты. Под ногами Владимира Федорова не земля, а палуба боевого корабля. Корабль этот, конечно, не крейсер, как сказал Сенька Коган, и даже не миноносец. У себя в Одессе Сенька повидал, наверно, кораблей. А для Владимира все в новинку. Даже в учебном отряде и то только катерки да «шестерки». Но дело не только в настоящем корабле. Не моряком мечтал стать Владимир, а пограничником. И вот она, граница, — рядом, незримая линия в море...

Молодые матросы стояли на нижней палубе возле двух стендов, закрепленных на переборке. На одном об-

разцы морских узлов — боцманский стенд. Учились вязать! А вот второй... Второй сразу привлек всеобщее внимание: море, заливы, речки, сопки, поселки — искусно сделанная умельцами рельефная карта. А над ней строгая надпись: «Край, который ты охраняешь».

Матросы стояли возле карты тесно, плечом к плечу. Стояли и молча рассматривали каждую складку на карте.

Когда зародилась мечта? Границы Владимир в жизни не видывал. Только в кино да в книжках читал о пограничниках. Часовые, секреты, дозоры. Туманы, плывущие над пограничной рекой. Всплеск. Рыба или нарушитель? Щелк затвора. «Стой! Кто идет?» Собаки с высушенными языками рвутся с поводка. Вперед! Враг коварен, хитер...

Сколько раз мальчишкой, сидя на речке с удочкой, Володька Федоров напряженно вслушивался в шорохи и сжимал удилище, будто винтовку.

Никому и никогда не говорил он о своей мечте. Признался только одному человеку — Светке.

Светка посмотрела на него с восторгом и сказала сдавленным голосом:

— Володька, ведь там стреляют. Ведь убить могут.

— Еще не известно, кто кого!...

Потом, уже перед самым окончанием школы, никому не сказавшись, даже Светке, он поехал в райцентр — в военкомат.

Дежурный спросил, к кому он и по какому делу.

— Я к военкому, по личному.

— Военком занят, — сказал дежурный. — Может быть, кто-нибудь другой может решить ваш вопрос? Вы изложите суть.

— Нет, — ответил Володька. — Никто другой не может. У меня дело государственной важности.

Он так прямо и сказал: «государственной важности». Может быть, несколько громко, но он считал, что служба на границе — дело государственной важности. А приехал он к военкому поговорить именно об этом.

Дежурный недоверчиво посмотрел на него:

— Ну, раз государственное дело — обождите.

Володька сел на неудобную деревянную скамью и стал разглядывать всевозможные плакаты, которыми были обвешаны стены. Разглядывал долго. Узнал, что надо делать при атомном, бактериологическом и химическом нападении, куда пойти учиться и работать демобилизованному, какие льготы предоставляются семьям военнослужащих. И только когда в десятый раз перечитывал лозунг, призывающий отправиться на целину, дежурный сказал ему, чтобы он прошел к военкому.

В кабинете Володька увидел грузного полковника с тремя рядами орденских колодок на кителе. Стараясь держаться по-военному, представился:

— Федоров Владимир.

— Садитесь, товарищ Федоров Владимир. Дежурный доложил, что вы по важному делу.

— Так точно, товарищ полковник. Только не по важному, а по государственному.

— А разве бывают не важные государственные дела? — улыбнулся полковник.

— Так точно. То есть, конечно, не бывают, товарищ полковник. В этом году после школы я призываюсь в армию.

Полковник кивнул.

— Очень прошу направить меня служить на границу.

Полковник хмыкнул.

Володьке показалось, что военком уже сейчас отказывает ему, и он повторил горячо:

— Товарищ полковник, очень вас прошу!

— Понимаю, товарищ Федоров Владимир! Не один вы мечтаете служить на границе. Каждому хочется быть поближе к подвигу. А вы службу на границе представляете как сплошной подвиг. Так ведь? — И, не дожидаясь ответа, полковник продолжал, постукивая карандашом по краю стола: — А если подвига не будет? Будет просто служба? Правда, потяжелее, чем во многих других частях.

— Товарищ полковник, честное комсомольское!.. Вы не подумайте, товарищ полковник!.. Я буду...

— А как вы учитесь?

— Сносно. Двоек нет, товарищ полковник.

— А по общественной линии как обстоят ваши дела?

— И по общественной сносно. Я председатель секции рыболовов и охотников.

Военком улыбнулся.

— Нет, серьезно, товарищ полковник, вы не смейтесь. Рыбу и зверя перехитрить надо. Уметь стрелять. Скрываться на местности. Научиться наблюдать. Вы сами-то когда-нибудь рыбачили, охотились?

Полковник постарался сдержать улыбку.

— Я, товарищ Федоров, тоже в вашей должности по общественной линии. Также председатель охотсекции.

— Ну вот, видите! — воскликнул Володька, будто выиграл сражение.

— Подумайте, товарищ Федоров. Граница — дело сложное и трудное. Если ко дню призыва не раздумаете — зайдите ко мне. Попробую что-нибудь для вас сделать.

— Спасибо, товарищ полковник. Разрешите быть свободным?

— Идите.

— Есть идти! — И, повернувшись кругом через левое плечо, как и полагалось будущему военному человеку, Володька вышел из кабинета.

Его очень подмывало рассказать Светке о беседе с военкомом, но он решил держать все в тайне и ничего ей не сказал...

И вот он стоит у рельефной карты северного побережья. Можно пальцами потрогать эти сопки и крохотные домики поселков. Будто ты великан. И рядом стоят твои товарищи, такие же великаны. Ты чувствуешь их крутые, сильные плечи. И понимаешь, что они тоже заворожены картой края, который будут охранять.

— Вот теперь я понимаю, зачем сюда прислали именно меня, — неожиданно сказал Сеня Коган.

— Ну-ну, — подбодрил его кто-то.

— Командование знает, кому доверить такую красоту! Арсению Когану из Одессы! Уж мы в Одессе знаем толк в красоте. Спросите у наших девушек!

Матросы засмеялись.

— Знаете, значит, толк в красоте? — произнес кто-то неподалеку.

Матросы обернулись и вытянулись. Перед ними, весело поблескивая серыми глазами, стоял незнакомый капитан-лейтенант.

— Карту рассматриваете? Примечательные места. Суровые, но наши, советские. — Он повернулся к Когану: — Вас как величают, знаток красоты?

— Матрос Коган Арсений.

— Из Одессы?

— Из самой Одессы, товарищ капитан-лейтенант.

— Бывал. Красавец город. Как устроились?

— Неплохо.

— Ну-ну, покажите, где чье место.

Матросы вслед за капитан-лейтенантом спустились в кубрик по крутому трапу.

Капитан-лейтенант предупредил весело:

— Головы берегите! У нас тут один товарищ такой фонарь себе наставил — до демобилизации можно света не зажигать!

В кубрике капитан-лейтенант обошел двухъярусные койки, тщательно заправленные черными матросскими одеялами. Осмотрел несколько рундуков. Спросил, всем ли выдали то, что положено. Потом присел на банку, обитую по краю металлом.

— Давайте знакомиться. Я заместитель командира корабля по политической части. Коротко говоря, замполит. Моя фамилия Семенов, зовут Сергей Николаевич. Можете обращаться ко мне по любым вопросам. И в любое время. Только зря не будите.

Матросы заулыбались.

— Коммунисты среди вас есть?

— Нету, товарищ замполит.

— А комсомольцы? Все? Вот и отлично. Будем служить вместе. А через тридцать минут, — он взглянул на часы, — чтобы наши сопки не казались вам голыми, пойдем... на экскурсию, что ли. Надо вам поближе познакомиться с краем, который вы будете охранять.

Через час они поднялись на ближнюю сопку.

Бухта внизу была голубой, нарядной. Дома на полоске суши выглядели коробками из-под игрушек. А корабли — игрушками, которые вынули из этих коробок и пустили в голубую бухту. За Снежным начиналось море, оно казалось огромным куском синего стекла.

Матросы притихли и смотрели на эту пронизанную солнцем картину, как на чудо.

Разглядывая голые скалистые сопки снизу, они и не подозревали, что с вершин их откроется такая величественная красота.

Да и сопки, казавшиеся оттуда, снизу, унылыми, однообразными, вблизи стали веселыми, пятнистыми, словно неведомый художник расцветил их каменной мозаикой, аппликациями из крохотных листьев и цветов или огромной кистью нанес на скалы шершавые краски. И скалы то розоваты, то отливают мягким сиреневым цветом, то темно-коричневы, а то и немислимо черны, как графит. И краски — лишайники — шелушатся, будто у скал сгорела под солнцем кожа и теперь сползает клочьями.

Местами камни покрыты мхом — где желтоватым, где серым, где сочно-зеленым. В расщелинах зацепились крохотные северные березки, они неказисты — одна-две короткие веточки стелются по земле, жмутся к ее нагретой солнцем груди. Но если сорвать листок и размять его в пальцах, он так остро запахнет грибными березовыми рощами, лесными опушками, что сожмется сердце.

Скалы то разбросаны, обнаженные и веселые, то укрыты мягким красновато-бурым торфяным одеялом. Оно простегано скромными полянками цветов. Цветы мелкие. Розоватые, лиловатые, похожие на недоразвитый клевер — пахнут нежно. Белым цветет морошка. Сире-

невым — богун. Попадаются и пушистые желтые цветы на тонких стебельках. Рябит в глазах от этого пестрого калейдоскопа.

— А говорили, что Север — голый, — восторженно сказал кто-то из матросов

— Север-то? — усмехнулся мичман Зуев, который тоже пошел на экскурсию, чтобы, по его собственному выражению, «раскрыть матросам душу Севера на полную катушку». — Слышали, товарищ капитан-лейтенант, как людям Север истолковывают? Голый. Кто такое сказал — сам есть не что иное, как голой души человек. А вместо сердца у него кусок камня. Не иначе. Север даже в лютую зиму живой. Тут всякий зверь и всякая птица найдут свое место. Он суровый, Север, да. Неженка не любит. Потому всякие бананы-ананасы не произрастают в здешних местах. Север силу любит, крепость в человеке! Его только понять нужно, и он тебе обернется нежнее Одессы.

— Так уж и Одессы, — возразил Коган. — Вы бывали, товарищ мичман, в Одессе?

— А вы в Ближнем бывали?

— Нет.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Зуев. — Побывайте в Ближнем, а я побываю в Одессе. Тогда и поговорим.

Один из матросов, черноглазый, скуластый киргиз, поднял со скалы странный зеленоватый колючий шар. Поднял осторожно, как предмет незнакомый, невиданный. Черт его знает, может, штука эта кусается.

У киргиза были длинные, трудные для запоминания имя и фамилия, и товарищи еще в учебном отряде стали звать его просто Джигитом.

— Что за штука, товарищ мичман? — спросил Джигит с легким южным акцентом.

— Чайкины фокусы. Это морской еж называется. Схватит его чайка во время отлива, принесет на берег и здесь с ним разделается. Внутренности выключет, а скорлупка с иголками сохнет.

Матрессы сгрудились возле Джигита, рассматривая диковинку. Жесткая скорлупа морского ежа была унизана зелеными, похожими на елочные, иглами. Они колко топорщились.

— Бывают и малиновые и сиреневые ежи, — сказал замполит. — Вообще, море всякой живностью богато. И удивительные есть экземпляры. Например, морской паук. Мамы-паучихи откладывают яйца на спинку папы-паука. Вылупляются детеныши и, пока подрастают, поедают своего собственного папу.

— Как поедают? — спросил Джигит.

— Очень просто. Начисто.

— Ха!.. Я бы на месте этого паука ни за что не женился, — под общий смех сказал Сеня.

Джигит завернул ежа в носовой платок:

— Домой пошлем.

Побродив по скалам, спустились вниз, но не к бухте, а к морю.

Зеленоватая вода плескалась о скалы, чистая и прозрачная. Каждый камешек, каждая песчинка на глубине под берегом были отчетливо видны. Между камней шевелились заросли водорослей, увенчанные гроздьями зеленых плодов, похожих на кисти недозрелого винограда. Среди водорослей лежали некрупные морские звезды. На камнях виднелись причудливые башенки — колонии мидий.

Сеня Коган зачерпнул воду ладонью, попробовал на вкус. Вода была холодной — зубы заломило — и соленой, гораздо солоней черноморской.

Владимир за всю экскурсию не проронил ни слова. Жадно присматривался ко всему — и к скалам, и к цветам, и к морскому простору, и к голубому низкому небу, так не похожему на степное. Чтобы все это потом вложить в конверт и отправить Светлане.

Владимир только взялся за поручень, чтобы спуститься в кубрик, как кто-то тронул его за плечо:

— Здорово, Володька! Я все гадаю: вроде ты, а вроде не ты.

Владимир обернулся. У переборки стоит старшина второй статьи, на рукаве — сине-белая повязка. Знакомое как будто лицо.

— Не признаешь? А дрался со мной. Как петух на-скакивал.

— Лопух!.. Вот так да! Здравствуй!

Владимир рад, искренне рад встретить Витьку Лопуха, Лопухова.

Говорили, что он где-то на флоте служит. Но чтобы здесь, на «Самоцвете»... Тесен мир!

— Ты давно здесь?

— Последний год. Скоро дэмэбэ. А ты-то как сюда попал?

— По собственной инициативе.

Дважды прозвенел звонок.

— Вызывают. Сменюсь — поговорим.

Владимир, с непривычки ступая осторожно, спустился по крутому трапу в кубрик. Светились лампочки в стеклянных колпаках, обтянутых металлической сеткой. За складным столом несколько матросов «забывали козла». Молча и сосредоточенно шелкали костяшками, будто священнодействовали. Владимир присел на койку.

Вот так номер. Витька Лопух на «Самоцвете»! Витька Лопух... Вихрь воспоминаний захватил Владимира и понес, понес, возвращая к прошлому, к школьным коридорам, к шуму и сутолоке переменок, к улицам родного села, к белым яблоневым садам, к склонившимся над речкой ветлам. Плещется вода, плещется, бежит, журчит у берегов, ласкается, манит за собой в дальние дали... И будто из воды, всплыли в памяти знакомые лица — учителя, товарищи, односельчане.

Мать смотрит из-под руки в степь:

— Видать, дождик будет... Ишь как крутит, натягивает...

Ах как редко вспоминает он лицо матери, чуть тронутое морщинками у глаз доброе лицо! Ах как редко! Куда

чаще вспоминается другое, девичье... Вот и сейчас за-слонило оно всех. Смотрит Светка прямо в глаза, будто спрашивает: не забыл ли?

«Нет, нет... И никогда, никогда!..»

Звенит, надывается звонок.

«Ти-та-а... Ти-та-а... Ти-та-а... Ти-та-а...» Точка — тире... Точка — тире... «Аз». Аврал. Гремят по трапу десятки ног. Быстрее! Быстрее! И Владимир срывается с места. Его пост по расписанию на ходовом мостике.

— По местам стоять, со швартовов сниматься!

В море! Первый раз в жизни на настоящем боевом корабле в настоящее море!

— Кормовой швартов отдать! Носовой на шпиль! «Землю» до половины!.. Левая назад — товсь!.. Правая вперед — товсь!..

Четко и спокойно командует командир. Владимир смотрит на него с обожанием: повезло с командиром. Ничего, что суров, зато настоящий моряк!

Заработал шпиль, выбирая носовой швартов. Нос подтянулся к пирсу, а корма отошла на чистую воду.

— Отдать носовой! Флаг перенести!

Спущен флаг на корме. Вздвигается на мачте. Корабль уходит в море — на охрану государственной границы.

Проплывают мимо скалы, закрывая от глаз Снежный. С моря набегает волна. Корабль нехотя приподымается навстречу и наваливается на волну стальным форштевнем, кромсает ее, разбрасывая направо и налево.

Когда вышли из бухты и звонки пропели отбой, Владимир обратился к главстаршине Куличку:

— Товарищ главстаршина, разрешите немного на палубе побыть?

Куличек улыбнулся: понял.

— Побудьте.

Главстаршина Куличек — непосредственный начальник Владимира, командир отделения радиометристов. Специальность Владимира — радиометрист. Через четыре часа он заступит на первую свою боевую вахту. А сейчас хочется побыть на палубе, подышать морем. По-

знакомиться с ним, постоять вот так, лицом к лицу. Вот бегут одна за другой зеленовато-синие волны, в какое-то мгновение на вершинах их вскипают белые гребешки, вскипают, рассыпаются, и вода становится стеклянной, она в белых прожилках, будто полированный зеленоватый мрамор.

— Покурим? — Рядом стоит Виктор Лопухов, улыбается, протягивает деревянный портсигар с сигаретами.

— Спасибо, не курю.

— Так и не научился, — не то с сожалением, не то с завистью произнес Лопухов. Закурил, отворачиваясь от ветра и пряча огонек спички в чашечке ладоней. — Как дома?

— Все по-старому. Я ведь дома тоже с прошлой осени не был.

— А я третий год. Полагался мне отпуск, да командир его задробил.

— Почему?

— Да так вышло... — Лопухов нахмурился, видимо, ему не очень хотелось говорить на эту тему, молча затянулся несколько раз. Потом сказал: — Собрался я уж было и подпил крепко на радостях. Корешки из дому водки привезли. Вот командир отпуск мне и задробил.

— Строгий командир?

— Строгий. Дочка у него утонула, с пирса упала... Он с того времени какой-то смурый стал. Все переживает. Молчит. И не любит, если кто громко смеется. Видать, смех по сердцу режет. Мы понимаем. А без смеху тоже нельзя. Нынче что, в море тишь, солнышко не заходит. А вот погоди, с октября заштормит — по палубе не пройти. Все нутро выворотит, хоть и привычный. Трудная служба. Тут если не засмеешься морю этому в лицо — хана!

— А задерживали нарушителей?

— Бывало. Мне за задержание как раз и отпуск полагался.

— Шпиона задержал? — Владимир затаил дыхание от восторга и почтения к Лопухову.

— Да нет, не я задерживал, я только его первый заметил. А видимость плохая... Мгла...

— И все-таки заметил?

— Служба такая, — снисходительно сказал Лопухов. — Ты лучше про дом расскажи, как там у нас рыбалка на речке и вообще?

— Ловится рыба. И дома все нормально было.

— А как... как Светлана?

— Что Светлана?

— Ничего... У меня осенью дэмэбэ.

— Слушай, Витька... Ты ее из головы выкинь. Мы с ней...

— Ну и черт с вами! Я тебе так скажу: нравилась она мне, симпатичная девочка. И я не из-за драки с тобой отстал тогда. Просто вижу — нескладуха... — Он вздохнул. — Вот приеду, может, приударю. — Он сказал это только чтобы подразнить Владимира.

Владимир посуровел:

— Не советую, Лопух. Понял?

— Ладно, не сердись. Не буду.

— А и будешь — ничего не выйдет. Я Светке как себе верю.

Лопухов рассмеялся:

— А ты все такой же псих, Володька. Готов за борт меня бросить!

Они еще немного поговорили, Лопухов бросил в обрез сигарету и ушел. А Владимир все смотрел на набегающие волны, но видел другое: теплое море, крутую песчаную бухту, рассеченную лунной сверкающей полосой. И вдруг ощутил тепло маленькой девичьей ладошки.

...Он был на полигоне, когда его вызвали к командиру роты.

— Федоров, к вам приехала жена. — Ротный посмотрел на Владимира пристально. — Надо в документах семейное положение указывать правильно. Командир разрешил увольнение на сутки. Идите в канцелярию, по-

лучите увольнительную. — Ротный улыбнулся. — Красивая у вас жена, Федоров.

Владимир смотрел на него во все глаза и не понимал, о чем идет речь. Какая жена? Нет у него никакой жены. И тут же понял: Светка... Светка приехала!

— Торопитесь, — сказал ротный. — Женщины не любят, когда мы задерживаемся.

Владимир помчался в канцелярию.

— Держи увольнительную, — сказал дежурный. — Что ж раньше не говорил, что женат?

— Я не знал, — простодушно ответил Владимир.

У дежурного глаза стали круглыми:

— Вот так да!

— Да нет, не знал, что она приедет, — поправился Владимир и покраснел.

— Давай спеши...

Владимир переоделся, тщательно причесал короткие волосы и бросился вниз. Только у Знамени замедлил шаг, вытянулся и лихо отдал честь.

Потом предъявил вахтенному увольнительную и с замирающим сердцем вышел на улицу. У подъезда, в тени на скамеечке, сидела Света. Она встала, когда он вышел из дверей.

Он не бросился к ней, он смотрел на ее сияющее лукавое лицо и чувствовал, как от волнения кровь отливает от щек.

Она протянула руки, сказала жалобно:

— Володенька, я наврала самому главному начальнику, что я твоя жена. Ты уж поздоровайся со мной, как с женой.

Он подошел к ней, неловко обнял за плечи и чмокнул куда-то в нос.

Потом они взялись за руки и пошли по улице, от стыда подальше.

— Светка, ты ненормальная, — сказал Владимир. — Ты бы хоть предупредила. А то я подумал, что это к другому Федорову жена приехала.

Светка засмеялась, глянула на него искоса, чуть на-

клонив голову. Потом озорно тряхнула стриженной головой:

— Вот уж никогда не буду предупреждать. Слышишь? Чтобы всегда ждал.

Володька, так же склонив голову, смотрел на нее. Что-то в ней появилось новое за те месяцы, что они не виделись. Он уловил это новое в наклоне ее головы, в голосе, в походке. Оно мешало ему говорить со Светкой запросто, как раньше. Он смутно чувствовал, что теперь нужны какие-то другие, особые слова. Это смущало его, и он сказал первое, что пришло в голову:

— Ты, наверное, есть хочешь?

— Не очень, — ответила Светка.

— У меня три рубля. На весь день хватит.

— Чудак! У меня есть деньги. Ты думаешь, я сбежала? Я маме сказала прямо, что должна поехать к тебе. Ведь сюда не так далеко, а вдруг тебя после учебы пошлют на Дальний Восток или на Север? И знаешь, мама сперва заплакала, а потом и говорит: «Поезжай, ты уже взрослая».

«Вот-вот, взрослая. Была девочкой, а теперь — взрослая. Вот оно — новое! Я, наверно, тоже...» — подумал Владимир и попытался взглянуть на себя как бы со стороны.

Рядом с красивой девушкой шагает моряк, в ладной фланелевке, в лихо надетой бескозырке, загорелый, крепкий. Конечно, он тоже повзрослел.

Навстречу из-за поворота, подымая легкие клубы пыли, вышел взвод матросов.

Владимир взял Светлану под руку.

Матросы прошли, поглядывая на них с дружескими усмешками и нескрываемой завистью.

На пляже было много народу — песка не видно. Решили побродить по берегу. Купили в ларьке булку, колбасы и свежих огурцов. Шли сначала молча. А потом Светка заглянула ему в глаза и заговорила торопливо:

— Ты не ругай меня очень, Володенька. Я чемоданчик потеряла. Потеряла, и все. Там ничего такого не было:

купальный костюм и разная мелочь. А у вашего главного начальника глаза во-от такие сделались, когда я к нему явилась. «Я жена курсанта Федорова Владимира». А врать-то не умею. У меня, наверное, на лице было написано, что вру. Я, говорю, приехала издалека, повидаюсь. Отпустите моего мужа хоть на часок. А он на меня посмотрел, засмеялся, вызвал какого-то моряка. Дайте, говорит, Федорову увольнение на сутки!

Они шли, все время держась за руки, подбивая прибрежные камешки, и без умолку говорили, говорили обо всем и ни о чем. Им казалось, что если они замолчат, что-то нарушится. Владимир никогда еще не ощущал такого счастья, полного, безоглядного, немыслимого счастья. Если бы можно было остановить время, он бы крикнул: «Остановись!»

Они все шли и шли по берегу, уже последние купальщики остались позади, а они все шли. Море подкатывало к их ногам легкие шуршащие волны. Пекло солнце. Светка предложила:

— Посидим немного.

Сели на плоский горячий камень.

— Ну и жара, — сказал Владимир. — Искупайся, Света.

— Ужасно обидно. Первый раз на море, а купальный костюм тютю, в чемоданчике... — Голос Светы звучал жалобно.

Владимир огляделся. На берегу, кроме них, не было никого.

— Так искупайся. — Он покраснел. — Я отвернусь. Светка не отвечала. Колебалась.

— Хочешь, я совсем уйду?

— Нет, нет... — быстро откликнулась она. — Не уходи. — И тоже вспыхнула, но тут же решительно сдвинула брови: — Отойди в сторонку и отвернись.

Владимир отошел и честно отвернулся. Он не видел — угадывал, как торопливо, путаясь в складках сафрана, раздевается Света. Потом услышал испуганный всплеск — она заспешила в воду.

— Можно повернуться?

— Можно, — крикнула она издалека.

Он обернулся и увидел над водой ее голову и стыдли-
во прикрытые руками мокрые загорелые плечи.

Ему захотелось туда, в воду, к ней.

— Я тоже искупаюсь.

— Нет, нет! — воскликнула она испуганно. — Не на-
до. Ужасно соленая вода. Я сейчас вылезу. Отвернись,
пожалуйста.

Владимир опять послушно отвернулся, слышал, как
она отфыркивается, натягивая сарафан на мокрое тело.

— Ну вот. Можно... — сказала Света. — Чудо как
хорошо. Спасибо тебе.

— Море не мое.

— Нет, нет, здесь все твое. Иди, купайся.

Владимир неторопливо разделся.

— Какой ты стал здоровенный! — сказала Света про-
тяжно.

Он усмехнулся довольно, поиграл мускулами рук.
Потом стремительно бросился в воду, презирая камни,
больно бившие по ступням. Вода приятно освежала, но
удовольствия от купания Владимир не получил. Хоте-
лось на берег, к Светке. Проплыв несколько метров, он
вышел из воды и растянулся возле ее ног на камнях.

В мокром, прилипшем к телу сарафане Светлана ка-
залась прежней тонкой, беспомощной девочкой.

«Милая, милая...» — нежно повторял Владимир про
себя, не решаясь произнести ласковое слово вслух, что-
бы не спугнуть это нежданное трепетное счастье, от ко-
торого хотелось заплакать беспричинно, как маленько-
му, уткнуть голову в Светкины колени и плакать.

Светлана тронула пальцами его мокрые волосы.

— Знаешь, я, когда ехала сюда, такой и представля-
ла нашу встречу. — Она помолчала, потом сказала ти-
хо: — Я всегда думаю о тебе... Знаешь... Это очень стран-
но, я так думаю о тебе, как будто ты — это я. Ужасно
глупо. Сейчас мне очень хорошо, и я думаю про себя,
будто я — это ты.

Он лежал, закрыв глаза, ощущая прикосновение ее пальцев, и молчал.

Палило солнце, жаром дышали прибрежные камни, плескалось море. Но Светлана не стыдилась ни солнца, ни камней, ни моря. Она взяла Володькину голову обеими руками, заглянула ему в глаза, в самую их глубину, и сказала:

— Я очень тебя люблю, Володенька.

— И я, — сказал Володя.

— Что и ты?

— Тоже...

— Что тоже?

— Я тебя тоже люблю.

Светка засмеялась:

— Вот так и скажи.

Он взял ее руку, перебрал пальцы, один за другим, и, решившись, прикоснулся к ним губами.

Он тоже не стыдился ни солнца, ни прибрежных камней, ни моря.

Потом они ели булку, колбасу, огурцы и все глядели друг другу в глаза и не могли наглядеться.

А потом солнце, чтобы остыть, влезло в море, небо запылало и погасло. Высыпали звезды, им тоже хотелось посмотреть на человеческую любовь. Они позвали луну, и луна выплыла откуда-то из-за моря и разрезала его на две части зыбким серебряным ножом. И море разверзлось, обнажив сверкающую дорогу, которой не было конца.

Они бродили по берегу, держась за руки, и говорили, говорили, а когда спотыкались о камни, останавливались и целовались.

А потом, дурачась, стали нарочно спотыкаться. И все время сияющая дорога начиналась у их ног.

Весь мир, вся земля начинались здесь.

Так бродили они всю ночь. Когда посветлело небо и растаяли звезды, Света и Владимир поднялись на береговую кручу и долго смотрели, как розовеют виноградники и сгущаются тени от бетонных столбиков, к ко-

торым привязаны лозы. Из-за холма появился алый краешек солнца, оно росло, наливалось, потом в какое-то мгновение оторвалось от земли, вспыхнуло ослепительно, и все вокруг засверкало — и степь, и холмы, и море.

Света и Владимир стояли, зачарованные красотой народившегося утра.

Потом Света вздохнула прерывисто, будто после слез:

— Пора, Володенька.

На вокзале, стоя у вагона, он ничего не видел — ни людей на перроне, ни проводницы в белом кителе, ни вагона, — ничего, кроме широко раскрытых Светкиных глаз, в которых на мгновение промелькнула грусть.

— Ну вот, — сказала Света. — Когда узнаешь, куда тебя назначат, сразу напиши. Слышишь? Я все равно приеду, хоть на край света. — Она обняла его.

Лязгнули вагоны.

Владимир поднял ее и поставил на подножку двинувшегося вагона. И долго шел рядом, все ускоряя и ускоряя шаги.

...Владимир прижал холодные ладони к пылающим щекам, поднял голову. Была ночь, а солнце светило как днем, повиснув над горизонтом. Даже не верилось, что это то самое солнце, которое видело их тогда, на черноморском берегу.

Лохову было грустно.

Корабль шел мимо знакомых берегов. До того знакомых, что можно закрыть глаза и отчетливо представить себе каждый поворот, каждую сопку, каждую вышку на берегу. Вот скалы Черный Камень — они торчат из воды огромными, островерхими глыбами. Два года назад сигнальщики обнаружили здесь мину. Прямо по курсу. Командоры показали неплохую выучку. После второй очереди поднялся водяной столб, и тонкая радуга протянулась над морем и растаяла.

Лохов, стоя на мостике, вспоминал одно за другим

события последних тринадцати лет. Вспоминал с таким чувством, будто, подав рапорт, отдалился от них. И все же знакомые берега тревожили. Не оттого ли грусть, что берега эти уже не принадлежат ему и взирают на него как на чужого, равнодушно прощаются с ним? Может, и он видит их в последний раз?

Он спустился с мостика. С помощью приборов определился, вошел в штурманскую рубку, записал координаты в навигационный журнал. Потом склонился над картой. Испещренная цифрами глубин карта была живой, и каждая точка на ней была не просто точкой, а знакомым районом земли или моря, так или иначе связанным с его, Лохова, жизнью. Незаметно для себя он погладил глянцевою поверхность карты. Чертовски грустно! Может быть, это его последний поход и больше никогда не придется брать в руки ни этот транспорт, ни этот циркуль...

Лохов вдруг рассердился. Что происходит, в конце концов? Решение принято. Решение правильное. Он уходит. Уходит навстречу неведомому. Вряд ли счастье снова улыбнется смехом ребенка, лаской жены. Прошлое невосвратимо. Но зато там, в будущем, никто и ничто не станет напоминать ему, что он был счастлив.

— Справа тридцать пять судно!

Лохов вышел на палубу, поднялся на мостик, взял бинокль. СРТ шел вдоль берега. Его болтало даже на небольшой волне.

«Вот так и меня, одинокого, болтает», — с горечью подумал Лохов.

Экран радиолокатора светится мягким зеленоватым светом. Его перерезают пять неярких колец. Кольцо — четыре мили. Бежит по кругу неутомимый тонкий луч. Нет-нет да и выхватит светящуюся точку — судно, скалу... Тут уж не зевай радиометрист Владимир Федоров! Замечательная штука — техника! Там, наверху, сигнальщики видят судно в бинокляр. А погасни вдруг солнце?

Черта лысого они увидят. А он, Владимир Федоров, увидит. Потому что пальцам его подвластны эти рычажки и переключатели сложного, тонкого прибора и на мачте медленно вращается изогнутая широкая антенна. И радиоволны подчиняются ему. Это он посылает их к цели и принимает ее отражение. И он может «видеть» в ночи, во мгле. И ни один нарушитель не проскочит. Видела бы Светлана, как он управляется в тесной рубке!

Скользит по кругу неяркий зеленый луч. До рези в глазах всматривается в экран Владимир. Он еще не научился глядеть на экран спокойно. Ему кажется, что если он не будет напряженно всматриваться, непременно что-то пропустит.

Рядом сидит главстаршина Куличек. Это первая вахта молодого матроса, и его еще нельзя оставлять с прибором один на один. Ведь корабль в походе. Мало ли что может случиться. Краем глаза он наблюдает за работой Владимира, готовый в любую минуту поправить, предостеречь.

А Владимир ждет, ждет с нетерпением яркой точки на экране. Так хочется обнаружить цель, доложить на главный командный. А вдруг и в самом деле нарушитель? И командир скажет перед строем: «Матрос Владимир Федоров, своевременно обнаружив цель, вы помогли схватить матерого шпиона. Объявляю вам благодарность!» И он ответит гордо: «Служу Советскому Союзу!»

На экране между первым и вторым внутренними кольцами возникла слабая светящаяся точка, и померкла, и вновь возникла. Размечтавшийся Владимир не заметил ее.

Куличек прищурился:

— Федоров, почему не докладываете?

— Что?..

— Почему не докладываете на главный командный?

Владимир испуганно посмотрел на Куличка, потом на экран. И только сейчас заметил бледную точку. Он покраснел, заволновался, закрутил ручку фокусной наставки.

Куличек терпеливо ждал. Наконец Владимир сказал громко:

— Цель справа шесть, дистанция двадцать миль.

Куличек нахмурился:

— А поточнее, Федоров.

Владимир совсем растерялся. Щелкнул дистанционным переключателем. Цель исчезла.

— Спокойнее, — сказал Куличек.

— Есть спо-спокойнее. — Владимир сглотнул, снова повернул переключатель. Точка вспыхнула. «Да что же это я?» — с ужасом подумал он и вновь доложил:

— Цель справа шесть, дистанция пять миль.

— Так сколько все-таки? — недовольно спросил динамик голосом Лохова.

— Пять миль, товарищ командир.

— Ясно.

— Вот так, Федоров. Тут ошибаться нельзя, — сказал Куличек.

— Я понимаю.

...Владимир передал вахту, но не пошел в кубрик. Стыдно. На юте никого не было. Крепчал ветер, набежали тучи, стал накрапывать дождь.

Подошел Куличек:

— Промокнешь.

— Ничего.

— Ты очень-то не огорчайся. Учесть учти, а огорчаться не огорчайся. В общем-то, ты молодец, с аппаратурой управляешься прилично, грамотный. А опыт — дело наживное.

— Спасибо, товарищ главстаршина.

— А зовут меня Иваном. Неофициально. Пойдем-ка, Федоров, в кубрик. Бывает, даже морские волки простужаются. Вроде нашего боцмана.

Владимир покорно пошел за Куличком.

— А если матросы смеяться будут — отбrehивайся как можешь. Они ведь без зла. Так. Зубы поскалить. Веселый народ!

Утихло возбуждение первых дней похода, и Владимир почувствовал усталость. Ощущение новизны прошло. Кубрик стал казаться тесным. Появилась странная сонливость, голову так и тянуло к подушке, но стоило прилечь — и сон не приходил. Владимир подолгу ворочался, пытался даже считать до тысячи, чтобы усыпить себя.

То ли напряжение, с которым он всматривался в экран локатора, сказалось, то ли непривычка спать урывками.

В учебном отряде день был заполнен до предела. Но ночь была ночью. Ночью можно было выспаться. На корабле спать приходилось дважды в сутки, по четыре часа. Четыре часа — вахта, четыре — сон, четыре — подвахта. А еще занятия, работа с аппаратурой, да и письмо написать надо, книжку почитать, в шахматы сразиться.

Владимир удивлялся, как другие все успевают делать. Но самое трудное — это короткий сон. Не успеешь, кажется, глаз закрыть — пора подыматься. Голова становится тяжелой. Работаешь с локатором — перед глазами неутомимый зеленый луч, он скользит, скользит по кругу, и ресницы начинают слипаться. Это ж просто ужас — в самом деле заснуть у локатора! Ведь здесь — граница. Ведь ты не просто радиометрист, ты — глаза Родины. Уж лучше утопиться, чем заснуть у прибора!

Как-то во время вахты заглянул в рубку Куличек. Увидев застывший взгляд Владимира, спросил без обиняков:

— Спать охота?

— Охота, — признался Владимир.

— Ничего, Федоров. Пройдет. Главное, не поддаваться. Я первые дни, когда на корабль пришел, думал — вовсе не сдюжу. А надо. Надо, понимаешь? Служба, конечно, не мед. Но зато дело какое делаем! Не всякому выпадает. Не всякому... Я вот и на сверхсрочную остался. Некоторые думают, за длинным рублем погнался. Живет, мол, Иван Куличек на всем готовеньком, а рублики эти самые длинные идут и идут на книжку. А на что мне?

Корову покупать?.. Да и рубль-то не длинный. На рыболове куда длиннее, только знай вкалывай! Просто я нашу пограничную службу нутром понял. Ты шпиона задержать хочешь, нарушителя. А я понял, что главное не в том. Сунутся — задержим. Главное в том, чтобы они и сунуться не захотели. Чтобы знали: здесь для них путей нет. Вот для чего мы в шторма и в пургу ходим — в любую погоду. Понимаешь? А насчет спячки твоей — пройдет. Думаешь, другим легко? Бодрятся. И ты виду не подавай!

— А я и не подаю. — Владимир потянулся так, что хрустнули суставы. — А Сенька Коган двужилый какой-то. «Мне, — говорит, — все равно где и когда спать. Только бы не вниз головой».

Куличек засмеялся:

— Рисуется. У меня дружок был. Тоже веселый.

— А где он сейчас?

— Разбился два года назад.

— Летчик, что ли?

— Да нет, старшина второй статьи. Полез на скалы за чаечьими яйцами и сорвался. Хоть он и по-глупому погиб, а человеком был настоящим и границу любил. Он всю получку посылал жене. О детях беспокоился. А тут погиб. Пропасть они, конечно, не пропадут. А туго придется. Подумал я так и стал его жене деньги посылать от своего жалованья. Чисто официально, будто так и полагается. Понимаешь? А то она может и не взять, жена-то Васина.

— Гордая?

— А кто ж ее знает. Я ее в глаза не видел. Только на фотокарточке. Слушай, Федоров, ты, друг, про это дело никому не рассказывай. А то выплывет — один только вред может произойти.

— Ясно. И ты не беспокойся старшина. Я не усну. Я крепкий.

Куличек ушел, и Владимир остался один на один с мягко светящимся экраном.

Зачем Куличек рассказал о своем друге и о том, что

посылает деньги семье погибшего? Похвастаться? Непохоже, не такой человек Куличек.

Скользит по кругу зеленый луч, скользит... Только Владимир не заснет. Здесь — граница. Это он понимает нутром, как Куличек, как мичман Зуев, как остальные. Какие все-таки замечательные люди на границе! Что ж, и он будет таким, как они. Привыкнет, переломит эту проклятую сонливость. И кубрик станет домом, а дома никогда не тесно!

Ночью солнце склоняется к горизонту и снова ползет вверх, будто боится холодного, вспененного ветром моря. Прибрежные скалы упорно глядятся в капризное зеркало, а оно дробит их на мелкие осколки.

Когда налетает шквал, волны наотмашь хлещут по каменным щекам: не глядись в зеркало, стой где стоишь, пока не подточили! А берега скалятся в ответ, захлебываются солеными брызгами — бей, не подточишь!

Идет корабль, наваливаясь стальным форштевнем на волны, отбрасывая их направо и налево, кипит у бортов зеленая вода. Зоркие глаза ощупывают горизонт, чуткие уши прослушивают глубины.

Скоро окончится день и наступит ночь. Начнутся шторма, и трудно придется людям. Но корабль по-прежнему будет выходить в море и крушить форштевнем свирепые волны. Будет выть ветер и бросать в обожженные морозом лица колючую снежную крупу.

И ничто не остановит корабль. Потому что здесь — граница, а на корабле — люди в бескозырках. И на ленточках бескозырок — золотом: «Морские части погранвойск».

Часть вторая

Н О Ч Ь Ю

Во мгле сопки — будто белые горбы огромных верблюдов. Свирепый ветер со свистом и завыванием рвет с горбов клочья снежной шерсти, носит их, крутит, швыряет в слепые льдистые окна домов, наматывает на прибрежные камни и снова в ярости разбрасывает колючими клочьями.

Над сопками, над Снежным, над беспокойной бухтой, над грохочущим морем бегут черные взбухшие тучи. Их не видишь, скорее, угадываешь. Они мчатся низко, словно хотят прижать тебя к земле, вмять в нее. И невольно спешишь под защиту кирпичных стен и железных крыш. К теплу и свету жилья.

Дней нет, нет ни восходов, ни закатов. Только ночь, длинная полярная ночь, наполненная ревом ветра и грохотом моря.

А в клубе тепло, светло и уютно. Щелкают бильярдные шары. Осторожно шагают по черным и белым клеткам скромные пешки, дерзкие кони, тугодумные ладьи, нахальные ферзи. Морщат лбы доморощенные Ботвинники и Тали. Удивляются, что доски спокойно лежат на столах, а фигуры не мечутся как угорелые, не ссыпаются на палубу. И мебель стоит на местах, а не ползет. И клуб не кренит то вправо, то влево, и тебя не швыряет от переборки к переборке.

Корабль только что вернулся из похода, и свободные от вахты матросы — в клубе. Владимир и Иван Куличек сидят в глубоких креслах и молча наблюдают за матросами, играющими на бильярде.

Зазвенел звонок, приглашая в зрительный зал.

«Гусарскую балладу» уже видели, но опять посмотрят с удовольствием.

Не успел погаснуть в зале свет, как раздался громкий голос:

— Команда «Самоцвета» — на корабли!

В зале задвигались. Стали выходить, пригибаясь, чтобы не мешать другим зрителям.

Быстро оделись. Вышли на улицу. Хлестнула по глазам поземка.

Нагнали мичмана Зуева.

— И вас подняли? — спросил Куличек.

— Тревога, — сурово ответил Зуев.

Матросы прибавили шаг.

Комдив сидел дома за столом и усердно посыпал перцем дымящийся в тарелке борщ.

Сегодня у комдива было отличное настроение и соответствующий настроению аппетит. Но пообедать не удалось. Позвонил дежурный, доложил, что получена радиogramма. Рыболовецкий сейнер выбросило на скалы где-то в районе Черного Камня. Связь с сейнером прервалась, и точно установить место катастрофы не удалось. Рыбсоюз обратился к нам. Просит помочь снять людей.

Комдив выслушал не перебивая. Потом спросил скучным голосом:

— Какая сводка?

— Норд-ост семь.

— Я иду в штаб, пригласите начальника политотдела и начштаба.

— Есть!

Комдив повесил трубку и стал надевать шинель.

Из кухни выглянула жена, спросила удивленно:

— Ты что, Гоша?

— Срочное дело.

— Случилось что-нибудь?

Комдив не ответил, будто не расслышал.

— Ты не жди. Обедай без меня.

Он с сожалением посмотрел на тарелку с борщом и ушел.

Оперативный дежурный доложил обстановку. Показал на карте, где находятся сейчас корабли. Выходило, что до Черного Камня ближе всего добираться из Снежного.

Комдив подошел к окну, поскреб ногтем изморозь на стекле. В бухте стояли два корабля: дежурный и «Самоцвет».

— «Самоцвет» недавно пришел, — угадав мысли комдива, сказал начальник политотдела, плотный коренастый капитан второго ранга с безбровым лицом, жестким и обветренным. — Люди измотаны, товарищ командир.

Комдив кивнул.

— Может, дежурный отправить? — предложил начштаба. — А «Самоцвет» подежурит.

— Там командир молодой. Без году неделя. А надо людей снимать. Придется Лохова опять в море.

И начальник политотдела и начальник штаба промолчали. Жалко, конечно, людей с «Самоцвета», но где-то на скалах команда сейнера ждет помощи.

Комдив обратился к дежурному:

— Вызовите капитана второго ранга Лохова.

— Есты!

Дежурный вызвал «Самоцвет» по телефону! Лохов был еще на борту. Комдив взял трубку:

— Алексей Михайлович, объявите боевую тревогу.

— Есть боевая тревога, — привычно повторил Лохов.

...Лохов встретил начальство на борту. Прошли в кают-компанию. Комдив расстегнул шинель, присел на диван возле стола.

— В районе Черного Камня терпит бедствие сейнер. Вынесло на скалы. Надо снять людей. Больше никому. На дежурном — молодой командир.

— Ясно.

— На море норд-ост семь баллов. Волна...

— Сводку имеем.

— Сложное, конечно, дело. И матросы ваши устали. Объясните им, что в море погибают люди.

Лохов кивнул.

— «Добро» на выход дали. Можете идти напрямую, срезая углы. Все посты предупреждены, — сказал комдив.

— Ясно.

— Докладывайте нам обо всем. Ваш фельдшер на борту?

— Да.

— Возьмете на борт и врача. Мало ли что там...

Волны швыряют корабль как щепку. Так пишут в романах. Ерунда. Корабль не щепка. На корабле опытные люди, и он послушен их воле, как будто ему передаются их мужество и упорство.

Ветер гонит огромные, невидимые во тьме валы навстречу кораблю. Прожектор выхватывает пенные вихри на гребнях. Валы норовят обрушиться на корпус корабля, смять его чудовищной своей тяжестью. Корпус содрогается, скрипит, но скрип тонет в грохоте и свисте воды и ветра. И когда кажется, спасения нет и грохочущий вал

уже навис над кораблем, корабль вдруг подымает нос, будто хочет опрокинуться навзничь, волна ударяется об острый форштевень, крутые борта раскалывают ее пополам. Палубу окатывает соленым дождем. Корабль переваливается через волну, соскальзывает с нее; теперь он подобен пловцу, ныряющему со стартовой тумбочки. Вот-вот следующая волна поглотит его! Но не успеет она нависнуть над кораблем, как тот уже выпрямляется и нацеливается острым форштевнем на ее упругое, сверкнувшее в свете прожектора тело.

Жалобно звенит посуда в буфете, падают со столов и с полок книги, незакрепленные предметы. Мириады брызг оседают на палубе и, схваченные морозом, превращаются в лед. Матросы в спасательных жилетах поверх теплых курток скалывают его топорами и скребками; скользя по обледеневшему металлу, с трудом удерживаются на ногах, то и дело хватаются за леера, на которых ежеминутно нарастают сосульки.

Лохов и штурман — старший лейтенант Антипов — на ходовом мостике. Мостик продувается ветром. Слезятся глаза. Мгла сомкнулась вокруг корабля. Берега не видно. Эхолот мерно отщелкивает глубины.

Антипов на корабле недавно, на Север переведен с Балтики. Там тоже нередко бывают шторма. И довольно свирепые. Но чтобы море плясало под чертову дудку ветра вот так, во мгле, в течение нескольких месяцев? Нет, такого на Балтике не было.

Впереди возникает белая пелена. Она мгновенно закрывает гребни волн. И вот уже ничего не видно. Как говорят, видимость равна нулю. Луч прожектора наталкивается на белую плотную завесу, будто кто-то трясет перед кораблем огромной выбеленной холстиной. Снежный заряд. Снег забивается в каждую щель, метет сухой крупкой на палубе, хлещет по лицам матросов.

— Старший лейтенант, возьмите радиомаяки.

Лохов не всматривается в снежную мглу. Знает —

бесполезно. Щелкает эхолот. Вахтенный радиометрист аккуратно докладывает дистанции до берега.

На столе в штурманской. — подробная карта района. Сверяешь точку, полученную от скрещения пеленгов радиомаяков, с данными эхолота и локаторов. И снова идешь как бы ошупью.

На карте проложен курс. Самый короткий, какой только возможен через этот ад. Если снежный заряд не прекратится — придется маневрировать в районе Черного Камня. Ждать. Сквозь такую пелену людей не разглядишь. Носа своего корабля и то не видно.

Антипов вернулся на мостик из штурманской рубки. Доложил:

— Вышли в точку. Время поворота.

Лохов кивнул. Скомандовал в переговорную трубу громко и четко:

— Право тридцать... Так держать!

Казалось, корабль не изменил направления, просто волны, будто поняв, что, нападая в лоб, ничего не могут поделать с ним, ударили слева. Сигнальные огни закачались, описывая дуги в снежной мгле. Корабль начал переваливаться с борта на борт.

Владимир сдал вахту Ивану Куличку и с трудом спустился вниз, в кубрик. Здесь качало меньше. А может быть, так казалось. Вообще-то Владимира почти не укачивало, только чуть больше обычного клонило ко сну. И есть не хотелось. Но он научился бороться с сонливостью и заставлял себя глотать борщ, держа миску на весу, чтобы не расплескать.

Вот Коган — тот тяжело переносил качку. Лежал на койке с зеленым лицом, сдерживая тошноту.

В первый же шторм мичман Зуев сказал Когану:

— Вам надо списываться на берег. Какой из вас моряк!

Коган испугался:

— Что вы, товарищ мичман. Я справлюсь! Адмирал Нельсон и тот не переносил качки. А, однако, был знаменитым адмиралом!

Как ни храбрился Коган, ничего не получалось. Качка укладывала его на койку. Кто-то сказал, что если съесть глину с якоря, когда его подымут, не будет так укачивать. Но Когану не везло. То ли дно морское было каменисто, то ли глину смывало, только лапы якоря неизменно оказывались чистыми.

Вот и сейчас Сеня лежал на койке, стиснув зубы, бледный и беспомощный, проклиная день, когда родился на свет, и эту проклятую бортовую качку. Людей надо спасать, рыбаков, выброшенных на скалы. Корабль к скалам не подойдет — опасно. Значит, спустят шлюпку. А он, Сеня Коган, в шлюпочной команде. И боцман может не пустить. Очень даже просто. Скажет: накой мне гребец, который будет каждую секунду переваливаться за борт? Проклятый вестибулярный аппарат! И кто его только придумал!

— Слушай, Джигит, у тебя что, нет вестибулярного аппарата?

Джигит сидел на нижней койке и преспокойно читал толстый роман Диккенса. Когана бесило, что тот может вот так сидеть во время сумасшедшей качки и читать.

— Разве это качка! — поднял голову Джигит. — Вот на коне скачешь — это качка! С непривычки все кишки запутаются.

В кубрик спустился мичман Зуев. Прищурившись, он медленно оглядел лежащих на койках и спросил, ни к кому не обращаясь:

— Киснете? Кто угостит папироской?

Никто не откликнулся. Мичман вздохнул, присел прямо на ступеньку трапа:

— Портятся матросы!

Коган свесился с койки, протянул пачку папирос:

— Джигит, передай-ка боцману!

— О! Единственный живой человек. И качка ему ни-почем. Оморачиваетесь, Коган?

— Стараюсь, — бодро ответил Коган и откинулся на подушку, потому что подволок кубрика начал падать. А это дурной признак. Удержаться, удержаться при боц-

мане во что бы то ни стало! А то не возьмет на шлюпку.

Боцман взял папиросу, помял ее в пальцах:

— Море любит сильных. А сильный — он до конца сильный. Его как хочешь болтай-мотай, а он переборет. — Зуев замолчал и стал наблюдать, как тает снежная крупка, набившаяся в швы меховой куртки. Ему явно хотелось поговорить, но он любил, чтоб его попросили, «завели», как он сам выражался.

Коган попросил громко:

— Рассказали бы историйку из жизни, товарищ мичман. Очень вы картинно рассказываете!

«Держаться, держаться во что бы то ни стало, а то в шлюпку не пустит!»

— Что ж, рассказать, конечно, можно, ежели просят. Отчего не рассказать. И расскажу я вам про одного одинокого матроса, который мне до самой смерти как маяк будет.

...Весной это было, в сорок третьем.

Высадили нас на норвежский берег. Троих. Лейтенанта Плещеева, старшину второй статьи Митю Иванова и меня. Я тогда еще в матросах ходил.

Мотались мы по чужим тылам дней восемь. Замучились — спасу нет!

Лейтенант дюжий парень — и то осунулся. Обо мне и говорить нечего. Я, как видите, не хлипкий, но и не двужильный.

А когда назад подались, старшина Иванов ногу подвернул. Сильно опухла. Перетянули мы ему ногу тельняшкой, палочку срезали. Поташился он потихоньку.

Наконец вышли мы к морю. Вернее, выползли. Хоть по разведанным в этих местах противника не значилось, но осторожность блюли. Чтобы не нарваться.

Ну, залегли в скалах. Стали ждать катера. Как условлено было.

Есть хотелось — хоть камни грызи. А оставалось всего несколько сухарей. И пить хотелось. Даже еще больше, чем есть. Потому — вода перед нами была. Море. Поди попей ес!

Стали вахту держать по очереди. Чтобы сигнал с катера не проворонить. Сперва лейтенант. А мы с Ивановым завернулись в маскхалаты, прижались друг к другу и прикорнули. Кто не лежал на холодной скале, тот не знает, как кости ноют. Упаси боже от этой радости! Холод от скалы прямо в нутро проникает, пронизывает. Тут не только ревматизм — холеру запросто получить можно!

Ночью сменил я лейтенанта. Стал дождик накрапывать. Я язык, поверите, высунул, капли ловить. Пить-то охота. Сижу, как собака в жару, с высунутым языком, а с моря глаз не спускаю. Боюсь сигнал проворонить.

Через три часа бужу лейтенанта. Старшину мы освободили от вахты. Прилег я снова возле него. Долго заснуть не мог, но все-таки задремал.

Чую, кто-то меня в плечо торкает:

— Катер идет!

Мы со старшиной сели разом. Катера не увидели. Пусто кругом. Только серое море да мутное небо. А у лейтенанта пейс был.

Лейтенант выдал нам по последнему сухарю. Мы их грызем и все на море глядим не отрываясь. Наконец увидели: серая точка пляшет на волнах. Катер. Мы глаз от него отвести не могли. Все. Задание выполнено. Скоро будем дома, в базе! Чуете? Даже Иванов улыбнулся, хоть й сильно болела нога.

И тут внезапно справа и слева грохнули орудия. Мать честная, ведь их не было тут! Перед самым катером поднялись султаны. Катер проскочил. Противник перенес огневую завесу ближе к берегу.

Катер снова проскочил сквозь белые облачка. И вдруг накренился и начал описывать петлю. Попадание. Катер уходил в сторону, будто слепой, будто шрапнелью ему выбило глаза. Руль, видать, заклинило. И флаг не полоскался как положено — развернутый, гордый, — а тащился по ходу скомканным куском материи.

Людей на катере не видно было. Неужели, думаем, все погибли?

И тут на палубе появился матрос. Мы отчетливо видели его. Двигался он как-то странно, боком, скорчившись. Спервоначально показалось, что он укрывается от осколков. Потом, когда он, прижимая руку к животу, с трудом пополз к рубке, поняли, что он ранен.

И тут, братцы, мы увидели страшную картину. Да, для нас, моряков, страшнее картины нет. Мачту сбило. Флаг упал. А это значило, что корабль сдается!

И тотчас умолкли вражеские пушки.

— Флаг спустил, шкура, — сказал старшина. — Сдался. — И закрыл лицо руками.

Никогда не забуду той минуты. Стыдно было смотреть друг другу в глаза, будто это мы спустили флаг, будто это мы позорно сдались врагу.

А потом увидели мы, как из-за скал выскочил вражеский катерок и попер к подбитому нашему.

А матрос добрался до мостика и сидел под мачтой скорчившись. Потом шевельнулся. Ухватился за мачту. Встал на ноги. И вверх, на гафель, пополз, развертываясь на ветру, наш Государственный военно-морской флаг, а под ним затрепетал другой — небольшой, алый, с двумя косицами флаг «наш». «Наш» — значит «веду огонь».

Катерок противника рыснул в сторону, будто флаги ожгли его.

А матрос снял бескозырку и стал медленно оседать. Силы, видать, оставляли его.

Потом катер приподнял нос, будто хотел последний раз глянуть на землю, и исчез в волнах.

Мы обнажили головы. Старшина сказал:

— Прости, брат.

Будто просил у того одинокого матроса прощения за то, что худо о нем думал. Посмел подумать. Вот так...

Зуев умолк. И матросы молчали. Потом Коган спросил:

— И как же вы добрались?

Боцман только рукой махнул:

— И не спрашивай. Трое суток брели не свини. Толь-

ко, как совсем худо становилось, вспомнишь того матроса на катере, зубы стиснешь — и идешь.

Снежный заряд оборвался так же внезапно, как и начался, и вновь прожектор выхватил из тьмы кипящие гребни волн.

— Подходим к Черному Камню, — сказал Антипов.

— Стоп левая.

Стрелка оборотов левого двигателя медленно поползла к нулю.

— Право руля... Отводить... Одерживать... Так держать!

Лохов решил, сбавив обороты, подойти ближе к берегу. Иначе людей на скалах не обнаружишь. Даже с прожектором.

Сигнальщики со своей площадки напряженно всматривались во тьму.

Теперь волны нагоняли корабль, хлестали в корму, но качало от этого не меньше.

Еще сбавили обороты. Пошли на самом малом. Берег был где-то рядом, но с корабля не видели его, только приборы осторожно прощупывали каждый выступ. А берег щерился, разверзал пасти многочисленных бухточек и проливчиков, готовый сдавить корабль острыми каменными зубами, если тот зазеваается.

Но корабль не зазеваается. На мостике — Лохов, и корабль послушен каждому его слову, каждому движению.

Лохов ощущал это единение с кораблем, с его людьми, сложными механизмами, приборами.

На мостик поднялся замполит Семенов:

— Какие новости?

— Идем на самом малом, — сказал Антипов. — Чуть не вплотную к берегу. — Он бросил взгляд на Лохова. Семенов уловил в этом взгляде восторг, почтение, даже обожание и усмехнулся. Что ж, Лохов свое дело знает. Не новичок.

- Никаких примет?
- Никаких.
- Сигнальщик! — крикнул Лохов.
- Есть!
- Повторяйте семафор: «На сейнере, отзовитесь».
- Есть повторять: «На сейнере, отзовитесь».

Нескончаемо замигал фонарь: буква за буквой... Точка-тире-точка-тире... «На сейнере, отзовитесь... На сейнере, отзовитесь...»

— Дайте в сторону берега ракету! — приказал Лохов.

В черном небе вспыхнул и ненадолго повис сгусток мертвого света. Когда он погас, ночь стала еще чернее.

— Звездочка, товарищ командир! — истощенным голосом закричал вахтенный сигнальщик Джигит.

— Какая звездочка? — спросил Семенов.

— Звездочка, огонек. Вспыхнул и погас.

— Где?

— Вон там. — Джигит показал во тьму, в сторону берега.

— Вы не ошиблись?

— Как можно, товарищ командир? Я джейрана за километр вижу. У меня глаза как у орла! Весь аил спросите, весь аил скажет!

— Очень много слов, — строго сказал Лохов.

— Виноват, товарищ командир. Только был огонек, честное слово!

Ничего не было видно в крошечной тьме, но Джигит метался по площадке, напряженно вглядываясь в сторону берега, и все время бормотал:

— Был огонек! Клянусь! Был огонек!

Гидроакустик доложил, что очень слабо сквозь шум прибоя прослушивается какой-то непонятный звук — не то стон, не то скрежет.

— На якорь не стать, сорвет, — сказал Семенов.

Антипов посмотрел на командира. Командир знает, как поступить.

— Шлюпку с правого борта к спуску изготовить!

Матросы выскочили на палубу. Бросились к шлюпке. Стали снимать брезент. Он был жестким, будто выкованным из железа, и гулко звенел. Потребовалось немало усилий и ловкости, чтобы стянуть его с «шестерки». А когда его наконец сняли, он вытянулся на палубе промороженным колпаком, все еще храня очертания шлюпки, и казалось, будто рядом с расчехленной шлюпкой стоит еще одна, зачехленная.

Боцман приказал вывешивать шлюпку. Двое матросов прыгнули в нее и взялись за тросы. Один из них был Сеня Коган.

— Коган! — закричал мичман Зуев. — Куда тебя понесло? Вконец закачает!

Но Коган вцепился в шершавый трос обеими руками, замотал головой:

— Я в шлюпочной команде, товарищ мичман. Если не пойду — удавлюсь. И грех — на вашу душу!

Боцман только рукой махнул. Черт с ним, поработает веслами, может, и верно отойдет! Такое бывало.

Матросы у шлюпбалок принялись быстро вертеть рукоятки барабанов. Шлюпка приподнялась и вместе со шлюпбалками начала выдвигаться за борт.

— На якорь не становиться. Ходить на самом малом. Шлюпку примете с подветренной стороны. — Лохов отдавал приказания четко, уверенным голосом.

На мостик поднялся врач, немолодой, в очках. Снял очки, начал протирать, пожаловался:

— Все время мутнеют. Мне идти на шлюпке?

— Приготовьте все, что может понадобиться, в кают-компании, — сказал Лохов. — Если будет нужда, пойдете на скалы вторым рейсом.

— Есть.

Семенов сказал:

— Я пойду на шлюпке, Алексей Михайлович.

— Нет! — резко ответил Лохов. — На шлюпке я пойду сам.

— Алексей Михайлович, ты командир. Согласно уставу, командир не имеет права покидать корабль.

— Знаю устав. Но я здесь — командир, и, стало быть, кому идти на шлюпке, решаю я.

— Алексей Михайлович...

— Все. И пойми — не время для споров. Помощника нет, капитан-лейтенант Семенов остается за командира. Антипов, запишите в вахтенный журнал.

Лохов быстро сбежал с мостика на правый борт. Да, он нарушает устав. Да, за нарушение устава придется отвечать. Пусть! Но он моряк. И на этот раз он отнимет у моря его добычу, рыбаков с сейнера. Он должен сделать это. Сам.

— Мичман!

— Есть!

— Спустить шлюпку!

— Есть спустить шлюпку!

Зуев махнул рукой. Матросы осторожно стали стравливать тросы. Шлюпка исчезла в темноте за бортом.

— Придерживай! — закричал Зуев, перевесившись за леера. — Краску попортите!

— Команда, в шлюпку!

Матросы один за другим исчезли за бортом. Вслед за ними прыгнул Лохов. Последним — мичман Зуев. Шлюпка билась о корабль. Матросы отталкивали ее руками.

— Командуйте, мичман!

— Есть! Весла разобрать!

Шлюпка с трудом, будто иголка от магнита, оторвалась от корабля. Волна хлестнула в корму. Окатила холодными брызгами, приподняла, хотела опрокинуть шлюпку, но не смогла.

— Весла — на воду!

Три пары весел вцепились в черную воду. Корабль стал отдаляться. Скользнул по воде луч прожектора, освещающая шлюпку путь к берегу.

Владимир сидел рядом с Сеней Коганом. Коган тяжело, нутжно дышал, но греб, как и все, яростно.

Вода ускользала от весел. Шлюпку то вздымало на гребень, то сбрасывало вниз. Никогда еще не приходилось матросам грести на такой волне. Владимиру пона-

чалу казалось, что шлюпка вот-вот опрокинется. Как только она срывалась с гребня, падало куда-то вниз сердце и все внутри замирало.

— И-и-и, раз! И-и-и, раз... — Боцман всем корпусом наклонялся вперед, потом откидывался назад, помогая шлюпке. Командир, застыв неподвижно, всматривался в берег.

Владимир понял, что шлюпка не опрокинется, что гребцы работают веслами дружно. И внезапно им овладело ощущение какой-то шальной легкости. Оно уже приходило к нему. Но когда? Владимир напряг память и вдруг отчетливо вспомнил родную речушку, ветлы над водой, степь. И себя с удилищем в руках, которое он сжимал, будто винтовку, воображая себя пограничником. Да, вот такое же ощущение легкости и восторга приходило к нему тогда, и он чувствовал себя ловким, смелым, очень смелым и сильным. И тут же вспомнил он рассказ боцмана про одинокого матроса на тонущем катере. И ему показалось, что сам он и есть тот одинокий матрос, не сдавшийся врагу. И окрыляющее чувство восторга утвердилось в нем, оно распирало грудь, хотелось петь, кричать, но он только сильнее налегал на весло.

А Когана перестало мутить. Шлюпку болтало, встряхивало, качало куда сильнее, чем корабль, но тошнота прошла. То ли от работы, то ли от того, что весь ты напряжен до предела и некогда подумать о том, что тебя, беднягу, укачивает, что у тебя неполноценный вестибулярный аппарат. Коган размеренно налегал на весло и улыбался.

Мичман Зуев увидел его улыбку и, несмотря на то что рядом сидел командир, крикнул:

— Молодец, Коган!

Сеня услышал и заулыбался еще шире.

Шум волн изменился. Где-то невдалеке они разбивались о прибрежные скалы — оттуда доносился приглушенный грохот. И еще какой-то невнятный скрежет.

Вскоре стала видна белая пена прибоя. Место было

скалистое, и в любой момент шлюпку могло ударить камень.

Скрежет усилился. Не дальше чем в полукабельтове Лохов заметил странную скалу со строгими очертаниями. Она и скрежетала, эта скала.

— Возьмите чуть левее! — громко, чтобы перекрыть грохот, приказал он Зуеву и показал на странную скалу.

— Сейнер! — крикнул в ответ мичман.

Видимо, маленький сейнер заклинило между камней и при накате волн терло об эти камни днищем и бортами.

В это мгновение рядом на скале вспыхнул огонек. И погас. И сквозь ревущий ветер и грохот волн Лохов слышал слабый крик. Может быть, кричали громко, во всю силу, но крик едва доносился, и если бы не привычка к шумам моря, Лохов не расслышал бы его. Теперь он знал, что люди покинули разбитый сейнер и перебрались на ближнюю скалу. До нее было недалеко, но вода вокруг скалы кипела, как в котле, волны разбивались о нагромождения камней, откатывались назад, под новые волны. Гребни загибались, и вода с новой яростью обрушивалась на скалы.

— Не подойти! — крикнул Зуев. — Может, на гребне проскочим!

Лохов отрицательно помотал головой:

— Привяжите к линю спасательный круг! Бросим за борт. Авось прибьет!

— Есть! Коган, Федоров! Привязывайте круг. Да покрепче.

Стали крепить тонкий прочный конец к спасательному кругу. Конец лежал на дне шлюпки, свернутый в бухту, успел намочнуть, смерзнуться и теперь скользил в руках. Круг сбросили в воду. Волна накрыла его, понесла, но, не донеся до скалы, завертела, забила на камнях и выбросила назад.

Новая волна ударила в шлюпку, окатила гребцов.

— Держите против волны!

— Есть!

Четверо гребцов налегли на весла. Шлюпка повернулась носом к волне. Коган ведром вычерпывал воду.

Вновь попробовали пустить круг, но свирепый накат, покрутив, снова выбросил его назад.

Тогда Лохов скинул меховую куртку и стал стаскивать сапоги.

— Разрешите мне, — сказал мичман Зуев

— Не разрешаю. Подтяните круг.

Владимир подтянул круг к шлюпке.

Лохов снял китель.

— Товарищ командир... — начал было Зуев, но Лохов свирепо сверкнул глазами:

— Разговоры! Держать шлюпку. Разобьет.

Зуев молчал. Приказ командира не обсуждают. Но будь он на месте командира — приказал бы любому матросу. А может, тоже полез бы сам?

Лохов неловко перекинулся через борт, схватился одной рукой за круг. Сжал зубы. Ну, держись, море!

А море будто только и ждало Лохова. Оно подхватило его на гребень волны, жадно потащило к скалам, потом на какое-то мгновение придержало на весу, подкатило новую волну, занесло над ним вспененный гребень, ударило сверху, завертело, сдавило, навалилось ледяной тяжестью. У Лохова перехватило дыхание. Он отчаянно заработал свободной рукой и ногами. Хлебнул соленой воды. Почувствовал острую боль не то в плече, не то в груди... Ослабевшие вдруг пальцы выпустили спасательный круг... Пена хлестнула в лицо. Лохов закрыл глаза. Все. Конец...

Бело-красный круг отбросило к шлюпке, лишь ослаб в руках боцмана. Матросы, казалось, окаменели и с ужасом смотрели в шипящую пену.

Владимир, как был, в сапогах и шапке, прыгнул в воду. Восторженное ощущение ловкости и силы все еще не покидало его. Может быть, оно толкнуло его в волны? А может быть, еще что-то, что жило и теплилось в нем с детства? А может быть, просто бесшабашная, безрасудная удаля молодости?

Волна понесла его на скалы. Владимир ухватился за круг. Матрос не плыл. Его тащило. Потом он ощутил под ногами дно, и когда вода, крутясь и пенясь, с ревом поволокла его назад, он устоял. Устоял каким-то чудом. И вдруг прямо перед собой увидел командира, которого несло в море. Не отпуская круга, он подхватил командира и рванулся к берегу. А навстречу ему тянулись те люди, со скалы. Почти все они вошли в воду, держась друг за друга, и крайний, весь в пене прибоя, с искаженным от напряжения лицом, протягивал к Владимиру руки. И Владимир рванулся навстречу этим рукам, торопясь, таща за собой тяжелое тело командира, скользя по угловатым камням. А новая волна уже гремела за спиной. И Владимир вдруг отчетливо понял, что он не дотянется до этих протянутых к нему рук. Не хватит времени. Волна собьет его с ног и потащит назад. И в какую-то долю секунды пришлось отчаянное решение. Он отпустил безжизненное тело командира, обеими руками схватил круг, приподнял его над головой и со всей силой бросил вперед, людям на скале. И в тот миг, когда протянутые руки схватили падающий круг, волна ударила Владимира в спину, сбила с ног. Падая, он успел схватиться за лить и удержать тело командира. Потом, когда волна схлынула, теряя последние силы, Владимир потащил командира к берегу, перехватывая лить окровавленными пальцами. Кожу с ладони сорвало, но он не чувствовал боли. Когда его подхватили люди на скале, восторженное ощущение собственной ловкости и силы все еще жило в нем.

А по воде, держась за протянутый от шлюпки к скале лить, уже пробирались двое матросов.

В кают-компании хлопотал врач. Лохов лежал без сознания.

Спасенные рыбаки были измучены, поморожены и тоже нуждались в помощи.

Каюты замполита и механика превратились в госпитальные.

Семенов послал подробную радиограмму в базу Комдив разрешил идти прямо в город, доставить Лохова и других пострадавших в госпиталь.

Владимиру сделали перевязку, крепко натерли спиртом, дали немного выпить. Он не захотел лечь в госпитальной каюте и спустился в матросский кубрик.

— Как командир? — спросил Джигит.

— Плохо. В сознание не приходит.

— Ай, герой! В такую воду сам прыгнул! Ай, герой! И ты тоже, Володя, герой. Я бы тебе орден дал!..

Владимир улыбнулся, пытаясь влезть на свою койку.

— Стой, — остановил его Джигит. — Ложись на мою, внизу. Не надо тебе наверх. — Он ласково, но настойчиво подтолкнул Владимира к своей койке и помог ему улечься, а сам присел рядом и уставился на товарища блестящими черными глазами. Потом неожиданно вскочил, взмахнул руками:

— Слушай! У меня конь есть — огонь! Приедешь — бери коня. Дарю.

— Спасибо, Джигит.

— Отстань от него, — сказал Сеня. — Куда он твоего коня денет? В рундук засунет? Пусть человек поспит.

Владимира знобило. Боль в руке становилась все острее.

— Слушай, Сеня, меня, наверно, в госпиталь сдадут.

— Вот и хорошо. Отлежишься.

— Подвахте лед скалывать! — раздался сверху голос Зуева.

Матросы торопливо начали одеваться, а Зуев спустился по трапу и подошел к Владимиру:

— Ну как, Федоров? Отошел маленько?

— Отошел. Только знобит.

Зуев склонился к самому уху:

— Есть у меня энзэ. Понял? Я хоть и непьющий, а всегда при себе имею. На особый случай. Выпей.

— Я уже пил спирт.

— Неважно. То — медицинский. А то — боцманский.

На травках настоен. Самый что ни на есть полезительный. От всех болезней.

Зуев ушел и вскоре вернулся, придерживая рукой оттопыренный карман. Достал бутылку, раскупорил, прихватив пробку зубами, налил в стакан буроватую жидкость.

Владимир выпил одним духом и закашлялся. Водка, настоящая на красном горьком перце и каких-то корешках, ожгла внутренности.

— Заешь, — сказал предусмотрительный Зуев и сунул Владимиру прямо в рот кусок копченого палтуса. — Вот так. Это лечение по-нашему, по-северному.

Когда мичман ушел, Владимир забылся коротким сном. Привиделось ему тихое Черное море. И луна в окружении звезд. И лунная серебряная дорожка на темной воде. И они идут по этой зыбкой сверкающей дорожке, держась за руки. Он и Светлана.

Лохов проснулся и не сразу понял, где находится. Чужая каюта. Не качает. Полумрак. Только в углу на столике горит неяркая лампочка, да по переборке растянулась тень от сидящей за столиком женщины. Откуда на корабле женщина? И почему нет качки? Лохов хотел приподняться, но боль уложила его обратно. Он застонал.

Женщина за столиком встала, тень качнулась и сползла на палубу. Шагов Лохов не услышал. Только близко увидел незнакомое женское лицо:

— Отошел?

Лохов хотел ответить, но лишь слабо шевельнул сухими губами.

— Попить?

— Да...

Женщина поднесла к его губам белый чайничек. Лохов ощутил во рту приятную кислотоватую жидкость.

— Клюковный морс, — сказала женщина.

Лохов напился. Кашлянул. Кашель отозвался тупой болью в голове.

— Где я? — спросил Лохов едва слышно.

— Известно, в госпитале. Доктор велел сказать, как придешь в себя.

— Погодите...

Но женщина не дослушала, торопливо вышла.

Лохов, преодолевая боль, приподнял немного голову и увидел левую свою ногу — толстую и белую. Он сообразил, что она в гипсе и, видимо, подвешена. Он видел однажды в госпитале, как подвешивали ногу на талях, будто шлюпку, а за корму койки вывешивали балласт. Правая рука и плечо онемели. Он потрогал их непослушными пальцами левой руки. Плечо было жестким, будто на него надели панцирь. Тоже гипс. И голова болит. И мутит, как новичка во время качки.

В комнату быстрыми шагами вошел мужчина в белом халате, немолодой, с коротко подстриженными усами. Молча присел на кровать, взял руку Лохова, нащупал пульс. Слушал, поглядывая на ручные часы. Потом сказал весело:

— Ну что ж, молодцом!

Лохов слабо улыбнулся:

— Хотелось бы узнать...

— Нуте-с!

— Что у меня с ногой?

— Легкий перелом.

— А рука?

— Легкий перелом ключицы.

— А голова?

— Легкое сотрясение мозга.

Лохов опять улыбнулся:

— Выходит, все легкое?

Врач поднял над головой палец:

— Но в комплексе!.. Ваших болячек хватило бы на целую роту. Простите, вы же моряк, у вас рот нет. На целую корабельную команду.

— Понятно.

— Лежать, лежать... И поменьше разговаривать... Никого к вам не пустим, пока немного не окрепнете. В

вашем возрасте косточки срстаются еще легко. Вот в моем будете — не ломайте. Не советую. Трудно будут срстаться. Не тошнит?

— Поташников.

— Это пройдет. Главное — покой. Аб-со-лют-ный покой. Тетя Шура, кормите больного без всякого режима, по его желанию. Любят у нас медики помучать человека диетой и режимом. Плюнем! Ешьте на здоровье, когда угодно и что угодно. Но, разумеется, ничего тяжелого на первых порах, ничего жареного, острого. Бульончик, курятинку, кисели, овсянку, яички, масло. В общем, обойдетесь без диеты. Мужчина крепкий. И — спать. Спать, спать и поменьше думать. Все. Больше ни слова. Полный покой.

Врач ушел, а пожилая женщина, которую он назвал тетей Шурой, принесла бульон и стала пить Лохова из белого чайничка. Только теперь он почувствовал свою беспомощность, послушно высосал бульон и закрыл глаза. Он стал вспоминать, как прыгнул и схватился за спасательный круг, как завертело его в камнях. Потом он хлебнул воды. Вкус ее сохранился во рту. Потом... Что было потом?.. Он вспоминал мичмана Зуева, матросов — одного за другим... Кто-то спас его. Кто?.. И что с рыбаками?.. Все ли живы? Конечно, их сняли, он не сомневался в этом.

Потом Лохов уснул. Сон был тревожным. Он лежит на койке в своей каюте. В иллюминатор бьется черная вода, будто просит: пусти, пусти... И иллюминатор вдруг расплывается. И вода врывается в каюту, закипает, подхватывает койку и несет ее, несет, качает. Хочет опрокинуть, выбросить его из койки... И вдруг из волны подымается мичман Зуев с неизменной сигаретой за ухом и бело-красным спасательным кругом в руках. «Все будет хорошо», — говорит он знакомым женским голосом. Где он слышал этот голос? Где?.. Вода хлещет в рот. Он судорожно глотает ее, но она не горько-соленая. У нее приятный кисловатый вкус. И море становится розовым, и волны розовыми. Это ж морс!.. Клюквенный морс. Лохову

становится смешно, но смеяться больно. Голова болит... Качка прекращается. Море исчезает...

Рядом кто-то ходит, что-то шуршит. А он спит, и ему никак не открыть глаз. Никак не открыть. И снова голос:

— Я поправлю, тетя Шура. Спасибо.

Голос. Тот же голос. Надо открыть глаза. Где он слышал этот голос?.. Да, да... Голос Веры... Веры... Она уехала, Вера... Надо открыть глаза.

Он открыл глаза. На стене качалась тень, заползала на потолок.

Он позвал тихонько:

— Тетя Шура.

Тень стремительно оторвалась от стены. Знакомое лицо склонилось низко-низко. Вера... Все еще сон... Надо открыть глаза... Чертова боль в голове!

А Верино лицо было близко-близко, и в светлых встревоженных глазах блестели слезинки.

— Вера. — Он не произнес ее имени, он выдохнул его.

Лицо не исчезло. Оно придвинулось вплотную. Он почувствовал на щеке теплое дыхание.

Надо открыть глаза!..

— Тетя Шура! — крикнул Лохов. — Тетя Шура! — Ему показалось, что голова раскалывается от крика.

Лицо Веры отшатнулось и исчезло. Потом он увидел рядом доброе морщинистое лицо тети Шуры.

— Тихо, сынок. Что ты?

— Ну вот... — сказал он удовлетворенно. — Вот и проснулся. Дайте попить...

Тетя Шура напоила его морсом.

— А мне сон снился, и я никак не мог проснуться. Глаза не открывались.

— Что ж тебе снилось, сынок?

Он улыбнулся:

— Море морса... А потом боцман мой... А потом — жена. — Он вздохнул и вдруг сказал доверчиво: — Ушла от меня жена, тетя Шура.

— А может, ты сам виноватый?

— Виноватый, — тихо произнес Лохов.

— Разве от такого представительного мужчины далеко уйдешь? Сидит в коридоре, плачет. Не признал меня, говорит.

Лохов не сразу понял, о чем она. Уставился на тетю Шуру:

— Что вы сказали?

— Сидит, говорю, в коридоре.

— В каком коридоре?

Лохова охватило смятение. О чем она говорит? А может быть, она ничего не говорит? Опять сон?

— Тетя Шура, это вы? — спросил он.

— Я, а то кто же? Сильно голова болит?

— А в коридоре кто?

— Да жена твоя, жена. Красивая у тебя жена, сынок.

— Жена? Вера?..

Она стояла в дверях, прижимая руки к груди таким знакомым жестом. По щекам ее текли слезы, она не утирала, она даже не замечала их.

— Вера... — позвал Лохов.

Она подошла к нему:

— Я здесь, Алешенька.

Они молча смотрели друг на друга. А тетя Шура ушла, тихонько бормоча себе под нос:

— Вот и хорошо, вот и хорошо...

— Вера, — сказал Лохов.

— Что, Алешенька?

Он не ответил. Он смотрел на ее лицо, на прядку, выбившуюся из-под казенной белой косынки, на глаза, полные слез. И вдруг понял, что он любит и лицо ее, и глаза, и прядку волос. Любит и всегда любил. Просто горе ослепило его...

— Как же... как же ты узнала? — спросил он тихо.

— Я ведь письма твоего ждала... Ждала, понимаешь... Все терзалась, все думала, как ты тут один? И вдруг телеграмма от твоего замполита, от Семенова... Я бросилась

на вокзал, потом — на самолет. И вещей не взяла никаких. Я сама буду за тобой ухаживать, врач разрешил.

Много думал Лохов в эти томительные дни. К нему все еще никого не пускали, но он мысленно вызывал к себе товарищей, сажал рядом с собой на кровать и разговаривал с ними. Это когда уходила Вера.

С каждым днем все глубже понимал он, как много потерял за этот тяжелый год и как много нашел в эти последние дни. Стоило теперь Вере уйти, и он начинал тосковать по ней, томиться, как мальчишка. Да нет, даже мальчишкой, когда только начинал ухаживать за ней, так не ждал он встреч и не тосковал так.

Когда она уходила, он сразу начинал думать о ней, вспоминать подробности их жизни в Снежном. Вспоминал дочь, ее тонкие ручонки, звонкий голосок. Боль утраты не исчезла, она стала мягче, печальнее. И впервые он с ужасом подумал о том, что тогда, в те страшные дни, обвинил в гибели дочки жену!.. Даже если Вера сможет забыть, разве сам забудешь это?

Матросы спасли его дважды — и от смерти и от самого себя. Но сколько это стоило ему! Кому «ему»? Опять о себе, все о себе и о себе... Я, мне, для меня... Как болячка сидит это в тебе, Лохов! Лохов ты, Лохов!..

Мысли эти терзали его, но он не отмахивался от них, не гнал. Он понимал, что надо очиститься прежде всего перед самим собой. Чтобы получить внутреннее право сказать: я понял, я виноват. Но сначала — очиститься перед самим собой. Нет судьи грознее, чем собственная совесть, если ее не усыплять грошовыми подачками, если спрашивать с себя по всей строгости.

Однажды в дверь палаты тихонько постучали. Крадучись и озираясь, вошел паренек в госпитальном халате.

— Разрешите, товарищ капитан второго ранга?

Лохов узнал Федорова и обрадовался:

— Входите, Федоров, входите... Что вы озираетесь?

Никого нет, жена пошла обедать.

— А я не от жены, товарищ капитан второго ранга.

Я к вам который раз пробираюсь — не пускают. А завтра — на выписку. Ребята пишут: умри, а проберись к командиру и разузнай, как здоровье.

— Так и написали?

— Слово в слово. Вот сегодня и дежурю в коридоре с утра. Как вы, товарищ капитан второго ранга?

— Получше. Спасибо. Голова перестает болеть, ну а кости срастутся.

— Срастутся. Очень вас здорово тогда закрутило.

— Слушайте, Федоров, кто меня спас? Я ж подробностей не знаю. Никого ко мне не пускают.

— Матросы, — сказал Владимир и отвел глаза. — Ребята в воду попрыгали.

— А точнее — кто?

— Да сразу и не разберешь, товарищ капитан второго ранга. Спасли — и ладно. Все на границе служим. А как же иначе? Может, вам чего надо, товарищ капитан второго ранга?

— Нет-нет, Федоров, у меня все есть. С вами-то что?

— Ладощку ободрал да синяков немного. Завтра выпишут — и на корабль.

— На корабль? Я, Федоров, тоже на корабль хочу.

— Это понятно. Знаете, товарищ капитан второго ранга, я письмо писал... Домой. Хотел рассказать, как все это было, как мы рыбаков спасали. Написал, а слова не те. Не те слова. Это не передать, что мы пережили... Для меня это на всю жизнь.

В коридоре раздались голоса. Владимир прислушался. Глаза его вдруг смешно округлились:

— Доктор. Пойду, а то попадет.

— Подождите, Федоров. Рыбаки как? Все живы?

— Все.

— Вас как зовут?

— Владимир.

— Передайте привет товарищам, Володя. Скажите, что я всех вспоминаю.

— Передам. Поправляйтесь, товарищ капитан второго ранга.

Лохов протянул руку:

— До свидания, Володя. Спасибо, что зашли.

Через несколько дней к Лохову разрешили пускать посетителей. Первой пришла незнакомая девушка, худенькая, курносая, в казенных шлепанцах не по ноге и в огромном, не по росту, халате.

— Вам кого? — спросил удивленный Лохов.

— Мне товарища Лохова.

— Я Лохов.

— Здравствуйте, — обрадовалась девушка. — Меня зовут Лена Данилова.

Лохов улыбнулся:

— А вы не перепутали чего-нибудь, Лена Данилова? Может, в госпитале есть другой товарищ Лохов? Более знакомый?

— Нет-нет, не перепутала. Я с сейнера. Уж и не знаем, как вас благодарить. Мы сперва жребий тянули, кому идти, потому что все хотят, а потом решили меня пропустить, считают, что вам приятней девушку видеть.

Лохов засмеялся. В палату вошла Вера.

— Вот, Вера, познакомься, это Лена Данилова, она из команды того сейнера. Команда решила, что мне будет приятнее девушку видеть.

— А что, неприятно? — спросила Лена.

— Нет, приятно, очень приятно, — серьезно ответил Лохов. — Расскажите, как вы там? Все здоровы?

— Более или менее. Промерзли изрядно. Страху натерпелись. Вы ж нас из такого вытащили! Товарищи поклониться велели. Спасибо вам! — И она поклонилась ему низко-низко.

— Ну что вы, Лена, — смутился Лохов.

Когда ушла эта незнакомая девушка, взволнованный Лохов задумался. В памяти снова возникли бушующие у скал волны и лица матросов в шлюпке, сосредоточенные, напряженные. Нет, не зря он командовал кораблем, учил людей.

И теплое чувство, в котором перемешались и любовь, и гордость за товарищей, и признательность, захлестну-

ло Лохова. И он на мгновение забыл, что прикован к койке, забыл о подстерегающей боли и улыбнулся.

А после ужина пришел Семенов. Лохов долго жал ему руку. Потом посадил возле себя:

— Ну вот, Сергей Николаевич... Прежде чем ты мне расскажешь про корабль и про все... Я, брат, ждал этого разговора... Погоди, не перебивай. Я тут на досуге переоцениваю ценности. Времени у меня, как говорится, вагон и маленькая тележка. Думал я тут об одном человеке, который считал себя... Нет, не так... Думал я о себе в третьем лице, что ли... Вот живет некий Лохов, капитан второго ранга, командир корабля. Как он живет? Я к себе — без пощады. Понимаешь, я...

Семенов похлопал его по руке.

— Ладно, Алексей Михайлович. Тебе много разговаривать нельзя. Наговоримся еще.

— Спасибо за Веру, — сказал Лохов. — Большое тебе спасибо. Никогда не забуду.

Они помолчали. Но молчание это не было молчанием отчужденности. Оно было наполнено человеческим теплом, близостью.

— Ну, а кости-то твои как? — спросил Семенов.

— Срастутся. Скажи мне честно, Сергей Николаевич, рапорту моему дали ход?..

— Нет еще.

— Возьми-ка лист бумаги здесь, в тумбочке. Я тебе продиктую. Пиши: «Командиру дивизиона капитану второго ранга Осипенко Г. С. Прошу, если еще не поздно, моему рапорту об увольнении ходу не давать. Готов понести любую кару, чтобы только остаться в родном дивизионе». Дай-ка, я подпишу. — Лохов неловко подписался левой, здоровой, рукой. — Ну вот, это самое главное.

— Добро, — сказал Семенов. — Передам. Только учти, что от командования «Самоцветом» тебя отстранили.

— Понимаю. А кто назначен?

— Пока временно назначили меня.

— Разумно. А Лохова будут судить?

- А это как решит Военный совет округа.
- Ясно, — Лохов тяжело вздохнул.

Лохов шел по Снежному, щуря глаза от яркого солнца. Он пролежал в госпитале четыре месяца. Кончилась полярная ночь. Весна растопила снег на сопках, и они опять зазеленели.

Сегодня Лохов вышел на улицу впервые. Еще ныла нога, а рука покоилась на черной перевязи. Дул легкий ветерок, полоскал флаги на кораблях, стоявших у пирса.

Лохов постоял немного на берегу и, тяжело опираясь на палку, зашагал к штабу.

Командир дивизиона встретил его приветливо. Встал из-за стола, подвел Лохова к дивану, сам уселся рядом. К холодному дерматиону, которым был обит диван, Лохов не ощутил теперь неприязни.

Комдив долго и подробно расспрашивал о здоровье, а потом сказал без обиняков:

— Рапорт ваш, Алексей Михайлович, я порвал и бросил в корзину. Но от командования вынужден был временно отстранить. Дважды нарушили устав. Грубо нарушили. Хоть и говорят, победителей не судят.

— Понимаю, Георгий Станиславович.

— Другого, скажу откровенно, и при других обстоятельствах отдал бы под трибунал. А тут... Нельзя закон толковать буквально. Кроме букв, в нем есть и душа. На «Самоцвете» за вас — горой. Любой матрос готов в огонь и в воду. Отличные люди на «Самоцвете». Почел бы за счастье перейти командиром на «Самоцвет». Надоел берег. Только, боюсь, не примут. — Он засмеялся, встал, подошел к окну.

— Когда меня вызовут на Военный совет?

— Полагаю, когда почувствуете себя лучше.

— Я отлично себя чувствую.

— И слава богу, которого нет.

— Прошу дать мне какое-нибудь дело.

— Нет, нет, отдыхайте, — ответил комдив и мягко добавил: — Вам еще немало предстоит перенести.

Лохов кивнул, соглашаясь, и тут же упрямо сдвинул брови:

— Это не имеет значения, товарищ комдив. К переживаниям не способны только мертвые. А я... Понять это, конечно, трудно, и звучит, вероятно, глупо — человеку сорок, а ощущение у него такое, будто он заново родился. Глупо, да? — Лохов неожиданно улыбнулся. — Поймите, Георгий Станиславович, для меня лучшего лекарства, чем корабль, нет. Вы же моряк, Георгий Станиславович! А руки-ноги — это пустяк. Руки-ноги море вылечит! Верите, матросом готов идти.

Осипенко посмотрел на Лохова внимательно и тоже улыбнулся:

— Хорош матрос, рука на перевязи. Ладно, Алексей Михайлович, посоветуемся с командованием. Один решать не ерусь. Возможно, пойдете на «Самоцвет» обеспечивающим. Пока. До решения Военного совета.

— Понимаю. Что говорить, Георгий Станиславович, конечно, у меня есть гордость. Но поэтому и прошусь в море. Все равно кем, но на корабль, в море!

— Хорошо, — сказал Осипенко.

Лохов встал:

— Разрешите идти? — Он улыбнулся. Все сегодня радовало его. И солнце в небе, и корабли у пирса, и комдив, говоривший с ним по-доброму.

Он медленно возвращался из штаба и пел что-то про себя. А потом вдруг заспешил. Потому что дома ждала Вера.

Через несколько дней поздно вечером «Самоцвет» уходил в море. Лохов пришел, опираясь на руку Веры. Он спустился на пирс, осмотрел корабль снаружи. Свежевыкрашенный борт сиял, палуба была чиста.

У вахтенного матроса раскосые глаза добродушно сузились, когда он увидел Лохова. И не успел Лохов сту-

пить на палубу, как раздалась три резких продолжительных звонка. Три звонка дают только командиру корабля. Лохов не был командиром. Он глянул на вахтенного и погрозил пальцем.

— Виноват, товарищ капитан второго ранга, привычка, — лукаво сказал Джигит.

Навстречу по палубе шел капитан-лейтенант Семенов.

— Здравствуй, командир, — сказал Лохов.

— Здравствуй, Алексей Михалыч, — ответил Семенов. — Что ж жену оставил? Вера Ильинична, милости прошу на корабль.

— Спасибо. — Вера улыбнулась. — Я погуляю по пирсу. Говорят, женщина на корабле не к добру.

Лохов прошел в свою каюту. Новый командир не переселялся в нее. Каюта была прибрана. В ней ничего не изменилось.

— Значит, не хочешь перебираться, Сергей Николаевич?

— Не хочу, Алексей Михайлович. — Семенов улыбнулся одними глазами.

В дверь каюты постучали:

— Прошу разрешения войти.

— Да, — откликнулся Лохов.

Вошел Федоров. Он был в форме номер три. На погонах его фланелевки поблескивали свежие нашивки старшего матроса.

— Старший матрос Федоров, — сказал Владимир. — Товарищ капитан второго ранга, разрешите обратиться.

— Обращайтесь.

— Разрешите попрощаться с вами и товарищем капитан-лейтенантом?

— В отпуск едет, — объяснил Семенов Лохову.

Тот нахмурился:

— Понятно. Только нет у меня охоты с ним прощаться. Обманщик он.

Владимир посмотрел на Лохова испуганно. Сейчас, чего доброго, и отпуск задробит.

— Ведь это вы, Федоров, вытащили меня?

— Все вытаскивали... — ответил Владимир.

— Ладно, Федоров. — Лохов положил ему руку на плечо. — Кто старое помянет, тому глаз вон. Ну, а кто забудет — тому оба. Так?.. Домой, значит? Кто ж у вас дома?

— Мама, — ответил Владимир, чуть замешкался и добавил: — И девушка. — Он покраснел и так счастливо улыбнулся, что офицеры не выдержали, засмеялись.

— Девушка, — повторил Лохов. — Пойдите-ка. — Он подошел к шкафу и достал оттуда большого белого мишку. — Вот, передайте вашей девушке от меня.

— Что вы, товарищ капитан второго ранга... — смутился Владимир.

— Берите, берите.

— Спасибо.

Когда Федоров ушел, Лохов сказал со вздохом:

— Счастливый!

Семенов усмехнулся:

— А ты не завидуй. Всяк своему счастью кузнец — так, кажется, гласит поговорка? Не совсем она все-таки верная. В одиночку счастливым не будешь. Человек счастлив, когда тепло своего сердца другим отдает. Вот ты девушке подарок послал. А ведь Федоров не просто игрушку ей повезет, верно? Тепло человеческого сердца, Алексей Михайлович, дороже всего. — Он взглянул на часы. — Пора. Пойдем наверх.

Они поднялись на мостик.

Федоров уже сошел на берег и стоял рядом с Верой, неловко держа в руках белого мишку.

— Давай командуй, — вздохнул Лохов.

— Есть, товарищ капитан второго ранга, — откликнулся Семенов и скомандовал в микрофон: — По местам стоять, со швартовов сниматься!

Лохов услышал дробный грохот матросских сапог по трапам. Строгим взглядом проследил за стремительными, ладными фигурами в белых робах — они дружно метнулись по палубе и замерли на своих местах.

...«Самоцвет» дрогнул и плавно отвалил от пирса.

Федоров переложил мишку в левую руку, а правую поднял к бескозырке.

«Самоцвет» дал протяжный сигнал. Голос его, могучий и чистый, пронесся над домами, над строгими сопками, спугнул чаек.

И пока корабль разворачивался, чтобы выйти из бухты, Лохов, не отрываясь, глядел на пирс, где стояла Вера и белел в руках Федорова маленький мишка.

Когда Снежный скрылся за сопкой, Лохов взглянул на часы. Было около двадцати четырех, а солнце замерло на горизонте.

Лохов подставил лицо ветру, налетевшему с моря.

Что ждет его в новом занимающемся дне? Что решит Военный совет?

Он готов ко всему.

А счастье? Будет новое счастье? Бывает новое счастье?

Он повернулся к Семенову и громко сказал:

— Сегодня солнце не зайдет!

Море, шипя, расступалось перед острым форштевнем. «Самоцвет» уходил на охрану границы.

Осечка

**Маленькая повесть
с переодеванием,
погоней
и собакой по кличке
Гром**

ПОСЛЕСЛОВИЕ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Познакомившись с этой историей, кое-кто улыбнется, а кое-кто, возможно, и поругает автора за легковесность, за невоспитанность собаки Гром, за намеки на любовь в служебное время, за... Всегда найдется, за что поругать, было бы желание.

Один почти известный писатель, прочтя рукопись, сказал:

— Ерунда, и к тому же без постного масла. Во-первых, так не бывает, уж я-то границу знаю. Во-вторых, язык! Боже мой, разве можно так писать! В-третьих, образы. Где вы взяли таких пограничников? И при чем тут сестра? Какие могут быть родственники на границе? И вообще, вас когда-нибудь кусала собака?

— Нет, — признался я.

— Ну, вот видите! А меня кусала. Это ж больно! Это ж кошмарно больно! В общем, забирайте вашу рукопись и никому не показывайте! Все, что вы написали, ерунда.

И я, по слабости своей, поверил. И забрал рукопись. И спрятал ее в письменный стол. Но потом меня начали одолевать сомнения. А вдруг писатель все это наговорил мне именно потому, что его кусала собака?

И вот я предлагаю эту маленькую повесть с таким длинным названием на суд читателей. Будь что будет!

История эта началась в кабинете начальника пограничного отряда Ивана Федоровича Скачка.

Обсуждалась подготовка к инспекторской проверке. Стрельбы дневные и ночные, тактика, уставы... Увенчать проверку намечалось учением. В обстановке, приближенной к боевой.

— Опять двое солдат третьего задерживать будут? Слезы, — обронил майор из политотдела.

— Разрешите? — поднялся капитан Мишин, очень черноволосый и очень высокий, которого за рост еще в училище прозвали движущейся мишенью. — Надо пустить штатского, а то и двух. И чтобы незнакомые лица.

— На моей «Волге» повезете? — спросил начальник отряда. — Вся граница знать будет.

— Да нет же, товарищ полковник! — Темные глаза Мишина загорелись азартом. — Мы «нарушителей» с моря высадим. Ночью.

— Засекут сразу.

— Не засекут! График подачи лучей прожекторами составим так, чтобы участок высадки не освещался. Высадим с нашего корабля. Будто бы у моряков учение. Можно создать для «нарушителей» все условия. Это ж в нашей власти! И место выбрать. Вплавь высаживать можно, в устье ручья. И пусть-ка их обнаружат!

— А вот они возьмут да и не обнаружат! — мечтательно сказал майор из политотдела.

— То есть как это не обнаружат, товарищ майор?

— Уйдут ваши «нарушители». И что? Осечка?

— Не может быть никакой осечки, товарищ майор! У наших ребят нюх!..

— Ну это вы, Мишин, увлеклись, — улыбнулся начальник отряда. — В общем-то, мне идея нравится. Только где ж мы хороших «нарушителей» возьмем? Тут ведь «нарушители» нужны первого сорта. Чтобы плавали и все такое.

— Найдем, товарищ полковник! — убежденно сказал Мишин. — Да вон у меня сестренка приехала погостить. Лена. Она ж в институте физической культуры имени Лесгафта учится. На третьем курсе уже. Пловчиха.

— Надо еще ее спросить, согласится ли она ночью в море лезть. Тоже радости мало, — сказал майор.

— Да что у нас, акулы, что ли?

— Акулы не акулы... — неопределенно протянул майор.

Долго еще говорили о будущем месте высадки «нарушителей» и прочих подробностях. Мишину приказано было поговорить с сестрой «без нажима» и подобрать ей напарника. Об исполнении доложить.

А операцию называли «Осечка». По предложению майора из политотдела.

2.

Лена была под стать брату — довольно высокая, темноволосая, коротко стриженная, большеглазая. Днем она пропадала на море. В любую погоду. Даже в дождь. А по вечерам занимала полюбившийся ей угол дивана и, поджав под себя ноги и накинув на плечи китель брата, читала. Кое-кто из приятелей Мишина пытался пригласить ее в кино или в клуб на танцы, но она только строго поджимала губы и вежливо благодарила. Так вежливо, что сразу отбивала охоту приглашать вторично.

— Слушай, — говорил иногда Мишин, — ты ненормальная. Ты же старуха. Тебе скоро целых двадцать. Ну чего ты сидишь тут на диване и мнешь мой парадный китель? Колька (или Сережка, или Васька) хороший парень, лейтенант (или старший лейтенант), танцует, как бог...

— У-гу, — откликалась Лена. — Во-первых, мне еще не скоро двадцать, а через три месяца и семь дней. Во-вторых, в твоём парадном кителе с такими прелестными звездочками я чувствую себя заслуженной пограничницей. И, наконец, твои желторотые лейтенанты, тан-

цующие, как боги, не для меня. Я девушка скромная, замуж не собираюсь, а если и соберусь, то за генерала. В крайнем случае за полковника. Не ниже.

— Иронизируешь? В десятом классе ты проплясывала ночи напролет. Я же знаю, что вы мотали с уроков всем классом и устраивали танцульки на свежем воздухе.

— Милый мой капитан, это было давно, в прошлом веке. Теперь твоя дремучая старуха предпочитает гантели и детективы.

— Дура!

— А это уже удар открытой перчаткой по затылку. Брек! А что сейчас танцуют твои лейтенанты? Твист или польку-бабочку?

— Ленка!

— Кушайте овес!

— Слушай, где ты набралась этих идиотских присказок? Язык у тебя... Я надену перчатки, — угрожающе говорил Мишин и глядел в угол, где над письменным столом на здоровенном гвозде висели боксерские перчатки.

— Самый веский аргумент современного танцующего бога. Да-а, времена рыцарства безвозвратно канули в прошлое! Ау! Где вы, Дон-Кихоты? Вашу Дульцинею собираются отвалтузить по всем правилам бокса. Хук, свинг, апперкот!.. — Лена энергично взмахивала руками, ударяя воздух. — Нокаут! Победил капитан Мишин, спортобщество «Зеленые погоны»!

Мишин только пожимал плечами:

— На тебя даже рассердиться как следует нельзя.

— И не надо. Кушайте овес.

А вообще-то, все это были просто вечерние перепалки. По-настоящему брат и сестра не ссорились, ведь нельзя же всерьез поссориться из-за того, что Лена предпочитает сидеть на диване, а не танцевать.

Но каждый раз после такой перепалки взгляд у Лены становился отсутствующим, словно всматривается она в страницу, где только что были буквы и вдруг исчезли.

Полноте, Мишин! А может быть, ваша сестра вовсе

и не предпочитает диван? Может, она с удовольствием потанцевала бы, даже посидела бы на скамеечке в саду, подальше от навязчивых фонарей? С кем?.. Гм... Она и сама еще не знает. Потому-то и сидит в углу дивана, накинув на плечи ваш парадный китель, и смотрит, смотрит на страницу, с которой сбежали буквы.

Кто ей нужен? Может быть, кто-нибудь из ваших приятелей — лейтенант, или старший лейтенант, или капитан. И может быть, даже не обязательно, чтобы он танцевал «как бог». Может быть, ей нужно, чтобы он танцевал как человек. А? Или даже как медведь? Может быть, сестра ваша Лена — заколдованная принцесса в стеклянном гробу? Или вы уже в том периоде развития, когда простоте сказок предпочитают сложности циркуляра? Не хочется верить, что вы не помните, кто и как разбудил принцессу. И, откровенно говоря, так не ставят вопрос: кто ей нужен? Я бы спросил что ей нужно? Что стремится она увидеть в том человеке, с которым ей захочется посидеть на скамеечке в садике, подальше от навязчивых фонарей?

Подумайте над этим, капитан!

В тот вечер, после совещания у начальника отряда Мишин, поджидая сестру, твердо решил избегать перепалки. Предстоял серьезный разговор. И дразнить Лену было просто не выгодно. Надо, чтобы она согласилась, непременно согласилась участвовать в операции «Осечка». Он даже заботливо приготовил ужин — вскипятил чайник и нарезал колбасу такими ломтями, что подавился бы и крокодил, который, как известно, запросто проглотил мочалку довольно крупного размера.

Надо бы все-таки сказать несколько слов о капитане Алексее Павловиче Мишине, пока он ждет сестру, потому что потом начнутся главные события и рассказывать уже будет некогда, и еще потому, что учителя может создаться неблагоприятное впечатление, поскольку автор над ним немного подтрунивает. Так вот, капитан Мишин — человек, увлеченный службой по-настоящему, как иные увлекаются футболом или телевизором, или

коллекционированием. Иные торопятся поскорее покончить со служебными делами, чтобы отжаться своей внеслужебной страсти. Страсть Мишина — это служба. Со всеми ее горестями и радостями, победами и поражениями, большими и малыми заботами. Для него граница — святая святых, люди границы — первые люди на земле; дай ему волю, он учредил бы Академию пограничных наук и приказал бы самым красивым девушкам выходить замуж исключительно за пограничников. А сестра — это внеслужебное, и резать колбасу — тоже.

Можно было и еще порассказать о Мишине, потому что лично мне такие люди по душе, но пришла Лена.

На Лене голубые брюки, светло-серая, очень легкая шерстяная кофточка с блестящими пуговками и красные босоножки. Темные волосы влажны после купания, а глаза словно вобрали в себя блеск моря и солнца. Она удивленно посмотрела на стол, потом на брата, потом снова на стол и с притворной тревогой спросила:

— Что-нибудь случилось, Алеша?

Мишин засмеялся:

— Ничего не случилось. Как море?

— Удивительно мокрое.

— Садись. Я тебе налью чаю.

— Не-ет, — протяжно сказала Лена. — Если не случилось, то случится. Капитан Мишин ухаживает за сестрой-старухой! Новое в военной науке и технике.

Садись, садись... — он даже не огрызнулся, а когда Лена села, поставил перед ней чашку, пододвинул тарелку с колбасой и даже спросил: — Хлеб намазать?

— Алеша, ты самый прогрессивный из всех прогрессивных офицеров, которых я здесь видела. Намажь. И пожалуйста, потолще. Под стать колбасе.

Мишин даже бровью не повел. Он ткнул ножом брусок масла и, прихватив кусок, которого хватило бы на целое отделение, принялся намазывать его на хлеб.

Лена притихла и стала пить чай, каждый раз подолгу принаравливаясь, перед тем как откусить кусок от

могучего бутерброда. А Мишин, положив локти на стол и подперев щеки ладонями, смотрел, как она ест.

— Алешенька, — жалобно сказала Лена, — хочешь, я завтра тебе компот сварю?

И оба рассмеялись.

Но Мишин не умел долго хитрить. Он не был дипломатом и поэтому решил сразу перейти к делу.

— Как ты относишься к ночным купаниям?

— Никак. У вас же их не разрешают.

— А если я тебе устрою?

— По знакомству?

— По знакомству.

— Алешка! Ты чудо двадцатого века! — сказала Лена и тут же насторожилась: — А что я должна за это сделать?

— Пустяки!

— Понятно, — кивнула Лена. — Двадцатый век. Услуга за услугу.

— Ты можешь хоть один раз быть серьезной? — нахмурился Мишин.

Что-то в тоне, каким он произнес это, было необычным. И Лена так же, как брат, молча сдвинула брови и стала очень похожей на него.

— Должен тебя предупредить: в любом случае, согласишься ты или не согласишься на наше предложение (он интонацией выделил слово «наше»), — все, о чем я тебе сообщу, — военная тайна. Понимаешь?

Лена кивнула.

— Нам надо провести учение. Поиск и задержание «нарушителей». Их будет двое. Высадка с моря.

Брови Лены поползли вверх, глаза расширились изумленно, и в них появились веселые бесенята. Они так и запрыгали в зрачках.

— И ты... вы хотите, чтобы...

— Вот именно, — перебил ее Алексей. — Мы предлагаем тебе сыграть роль «нарушителя». Физически ты, как студентка института Лесгафта, подготовлена, морально...

— Алеша! — Лена неожиданно вскочила, обняла брата за шею. — Не порти песню, Алеша.

— Пусти! Ну и ручки у тебя!

— Это ты меня раскормил колбасой и маслом.

Мишин поправил ворот гимнастерки:

— Значит, согласна?

— Конечно! Надеюсь, стрелять будут холостыми?

Мишин вдруг замаялся. А вдруг действительно кто-нибудь выстрелит сгоряча? И потом собака пойдет по следу, и если ее спустят с поводка... Но ведь «нарушители» не будут сопротивляться. Значит, пограничники не будут применять оружие. Вот только собака...

— Операция очень серьезная. Стрелять, конечно, не будут, да и пойдешь ты не одна, а с опытным пограничником. Мы его переоденем в штатское. Будет твоим начальником.

— Ты чего-то недоговариваешь, Алексей.

— Я сказал все. Еще там будет собака.

— Обожаю собак! — сказала Лена. Не признаваться же ей, что собаки — единственные существа на свете, которых она побаивается. Не считая, конечно, мышей.

3.

Теперь надо было найти Лене подходящего напарника. Конечно, можно переодеть солдата, или сержанта, или офицера. Здесь, на границе, служат люди достаточно опытные, готовые к выполнению любого задания. Ни одному и в голову не придет, что он, мол, играет в «сыщики-разбойники» и поэтому можно отнестись к такому делу спустя рукава. И все-таки из сотен людей надо выбрать одного. «Нарушитель» должен уметь хорошо плавать, знать пограничную службу, быть достаточно находчивым и сообразительным. К тому же, хотелось бы, чтобы его не знали в лицо на той заставе, где будет проводиться операция. И вот капитан Мишин отправился искать такого человека. Надо сказать, что это было нелегкое, утомительное путешествие. Хотя и сидел он в своем кабинете за письменным столом, покрытым листом

потертого плексигласа. Под плексигласом лежал табель-календарь на текущий год, список телефонов городских организаций и фотография. Нет, ошибаетесь, не девушки, а известного боксера В. Попенченко. Поскольку Мишин занимался боксом. Бокс, с точки зрения хозяина кабинета, имел отношение к службе. А девушки — нет. И любая фотография девушки выглядела бы темным пятном на служебном столе капитана.

Мишин сидел в одиночестве и, мысленно перебираясь с заставы на заставу, беседовал с пограничниками, подыскивая подходящую кандидатуру. Беседовать было нетрудно, потому что люди были знакомыми, лица их возникали одно за другим. Мишин пытливо всматривался в них и спрашивал: а как у тебя с плаванием? А как насчет сообразительности?.. Скажем, надо перевезти на другой берег реки волка, козу и капусту...

С одним, с другим разговаривает. Все хорошие кандидаты. А может, кого еще лучше найти можно? Эх, самому бы пойти! Да где там! Захочешь на заставу внезапно нагрянуть, ан уже ждут — личность известная.

Мишин поднялся из-за стола, чтобы размяться, пошел к окну. За окном в это время остановился «газик». Вышел из «газика» рослый парень в парадной форме с иголочки, и Мишин сразу узнал сержанта Егорушкина с Н-ской заставы. Отделение Егорушкина показало на последних стрельбах высший класс. И по всем остальным показателям было впереди. Вот и вышел приказ: командиру отделения сержанту Егорушкину объявить отпуск на 10 суток, не считая дороги. Верно, приехал за документами. Красив Егорушкин. Нет, не штатской красотой: нос там римский или греческий, взгляд орлиный или подбородок с ямочкой. Лицо как лицо, губы обветрены, нос облупился. Солдатской красотой красив сержант: держится ровно, плечи широкие, все пуговицы, хоть и припекает солнце, застегнуты. А зеленая фуражка сдвинута набок, чуть-чуть, чтобы можно было про него сказать: лихой солдат! А еще чуть сдвинешь — скажут, стилига.

Сержант скрылся в подъезде штаба, а Мишин снова уселся за стол. Вот бы такого, как Егорушкин!.. Но сержант — отпускник. Наверно, и документы уже заготовлены. Мишин взял телефонную трубку и попросил басовитого телефониста соединить с финчастью.

— Здравствуйте, товарищ майор. Капитан Мишин беспокоит. Сержанту Егорушкину проездные документы уже выписаны? Нет? Товарищ майор, пошлите, пожалуйста, Егорушкина ко мне. А документы пока не выписывайте: долго ли бланк заполнить! Нет-нет, товарищ майор. Поедет. Просто разговор есть один.

Через несколько минут в кабинет постучали.

— Да.

— Разрешите, товарищ капитан? Сержант Егорушкин прибыл по вашему приказанию.

— Здравствуйте, Егорушкин. — Мишин поднялся из-за стола, крепко пожал сержанту руку. — Садитесь. И учтите, не по приказанию, а по просьбе. Улавливаете?

Егорушкин сел.

— Пока не улавливаю, товарищ капитан.

— В отпуск?

— Так точно.

— Домой, в Феодосию?

— В Феодосию.

— Жара там, наверно, Егорушкин.

Сержант заулыбался:

— Да уж припекает.

Мишин не был дипломатом и не признавал окольных дорог, поэтому он сказал:

— А что, если отложить отпуск?

— Отложить? — спросил сержант растерянно, лицо его сразу осунулось, и только улыбка еще не успела сойти, и казалось, будто она с чужого лица.

— Да вы не волнуйтесь, Егорушкин, — сказал Мишин и вздохнул. Уж кто-кто, а он-то понимал, что значит для солдата отпуск. — Не надолго отложить, на несколько дней. Тут такое дело... — И Мишин рассказал сержанту о задуманной высадке «нарушителей» с

моря. Дело непростое. Пужны люди хорошо плавающие, выносливые и сметливые. Вот он, Мишин, и подумал о сержанте Егорушкине, поскольку тот вырос на Черном море, пловец отличный и, вообще, подходит по всем статьям. А отпуск... Что отпуск? И через несколько дней — тот же отпуск.

Сержант Егорушкин слушал внимательно, но лицо его оставалось при этом равнодушным, и Мишин никак не мог уловить, как тот относится к предложению.

Потом Егорушкин сказал:

-- Конечно, вы можете приказать.

— Да не буду я приказывать, Егорушкин. В конце концов, что у нас, людей нет, что ли? Просто я подумал, хорошо бы в это дело Егорушкина. А девушка пождет.

— Какая девушка? — спросил сержант.

— Ваша. В Феодосии.

Егорушкин засмеялся:

-- Моей девушке уже под шестьдесят, товарищ капитан. Мама у меня там.

— А мама сыну во всякое время рада. Написали уже?

— Написал. Но только точно день не сообщил. Граница. Мало ли что... — сказал Егорушкин серьезно и тогда спросил:—А потом начальник мне отпуск не задробит?

— Да за что ж, Егорушкин?

— Мало ли... Вдруг какая осечка выйдет?

Мишин улыбнулся:

— Между прочим, операция так и называется: «Осечка». Только никакой осечки не будет, быть не должно.

Егорушкин в тот день в отпуск не поехал.

Мишин доложил начальнику, что «нарушители» подобраны. А на другое утро поехал на заставу, где предполагалось произвести высадку. Разумеется, по другим делам. Но мы-то с вами знаем истинную цель поездки!

4.

Пока капитан Мишин занимается тайной рекогносцировкой на предполагаемом месте действия, позвольте вас

познакомить еще с несколькими примечательными личностями. На всякий случай. Вдруг мы с ними ненароком встретимся где-нибудь в лесу или у моря! Тем более, что они — коллективные владельцы собаки по кличке Гром.

Самому старшему, Яну, от роду тринадцать лет. Волосы у него такие светлые, что издали кажутся седыми. И он такой тощий, что издали походит на движущийся километровой столб. А близко к нему вы не подойдете, потому что он ведет на поводке огромную собачищу. Рядом с ним, держась за тот же поводок, шагают: справа — Антоша, а слева — Дзинтра. Антоша смолисто-черный, курчавый, смуглый до того, что сразу появляется желание потереть его хорошо намыленной мочалкой с водою погорячей. Только могу сказать заранее, что мойка эта ничего не изменит. Родители его — оседлые цыгане и передали сыну, согласно законам наследственности, все, что имели сами, включая живые плутовские глаза немислимого лилового оттенка.

Дзинтра — девочка, она соответствует своему имени, поскольку «дзинтарс» по-русски значит «янтарь». Волосы у девочки янтарные, веснушки на лице, руках и ногах тоже янтарные. Только глаза серые. Впрочем, то, что Дзинтра — девочка, вам придется поверить на слово. Потому что отличить ее от приятелей совершенно невозможно. Стрижка у нее мальчишечья, одежда мальчишечья, движения и повадки тоже мальчишечьи.

Вся троица учится в шестом классе средней школы поселка, название которого останется неизвестным по причинам, не зависящим от автора. Могу только намекнуть, что поселок этот расположился в лесу, недалеко от Н-ской заставы, где сейчас находится капитан Мишин.

Итак, они ведут на поводке собаку по кличке Гром. Поэтому на всякий случай отойдем подальше. Гром из тех собак, с которыми лучше не связываться. Родители его служат на границе. И Гром, будучи выбракованным, еще неуклюжим пушистым щенком с полувисячими ушами был подарен Яну, Антоше и Дзинтре. И отнюдь не случайно. Если бы мы с вами осмелились подойти по-

ближе, то увидели бы на закатанном рукаве рубашки Яна зеленый квадрат с майорской звездочкой в середине, самой настоящей, такой, какую носят на погонах старшие офицеры. Ян — начальник штаба ЮДП, юных друзей пограничников. И не улыбайтесь, пожалуйста, эту должность получить не легче, чем должность начальника любого другого штаба. Пожалуй, еще труднее. Потому что в войсках начальника штаба просто назначают приказом, а тут тебя должны избрать. Для этого нужно иметь крепкие кулаки и полное бесстрашие.

Вы не замечали, как поразительно собаки перенимают черты характера хозяев? Гром, здоровенный, серый с подпалинами пес не очень чистой породы, смел, как Ян, плутоват, как Антоша, и драчлив и непостоянен, как Дзинтра. Никогда не знаешь, что он выкинет. Особенно если где-нибудь поблизости кошка или учитель математики. Никто не мог понять, что Гром имеет против учителя математики. Только однажды, когда троица привела подросшего уже пса в школу и все уселись за парты, Гром вдруг зарычал, шерсть его поднялась дыбом, он бросился к двери и, как его ни уговаривали, категорически отказался впустить в класс учителя математики. Даже директор, с его властью и незыблемым авторитетом, ничего не мог поделать. Так урок и не состоялся.

Ребята воспитывали своего пса с невероятным упорством. Методичный Ян составил расписание собачьих уроков, предварительно посоветовавшись с пограничниками. Гром кое-чему уже научился: он не брал пищу из чужих рук, шел рядом, садился по приказу, умел ползти и очень легко находил спрятавшихся Яна, Антошу или Дзинтру. Отыскивать же иных людей ему просто еще не доводилось.

Сейчас, как вы догадываетесь, летние каникулы и знакомая уже вам троица выводит Грома на прогулку. Мы за ними не пойдем — познакомились на всякий случай, и достаточно. Вернемся лучше в отряд, тем более что и капитан Мишин вернулся, а нам никак нельзя упу-

скать его из виду. С минуты на минуту он должен познакомить Лену с сержантом Егорушкиным.

5.

Церемония знакомства была излишне официальной, но исключительно по вине капитана Мишина. Он привел Лену в свой кабинет, куда вскоре пришел и Егорушкин. Капитан сурово сдвинул брови и без улыбки, как бы подчеркивая служебную сухость момента, произнес:

— Прошу знакомиться, товарищи. Товарищ Мишина, сержант Егорушкин. Прошу садиться.

В течение всей беседы, которая длилась около часа, ни Лена, ни сержант Егорушкин не обратились друг к другу ни с одним вопросом, только изредка поглядывали не без любопытства, которое тщательно скрывали.

Были уточнены место и время высадки, экипировка, способ хранения суточного запаса продуктов, примерный маршрут и т. д. и т. п.

Потом, позвонив предварительно по телефону, капитан Мишин пригласил Лену и сержанта Егорушкина следовать за собой и представил их начальнику отряда полковнику Скачку.

Полковник был менее официален и разговаривал с молодыми людьми скорее как отец, нежели как начальник. Расспросил о здоровье, об успехах в плавании, дал несколько деловых советов и распрощался с ними. Егорушкин и Лена пожали друг другу руки и разошлись. Лена купаться, а Егорушкин примерять штатскую одежду.

Егорушкин был, как мы уже знаем, парнем рослым, и брюки и рубашка капитана Мишина оказались ему впору, вот только пиджак несколько жал под мышками. Мишин посоветовал сержанту двигаться осторожней, чтобы пиджак ненароком не лопнул по швам.

Егорушкин только вздохнул и, унося с собой одежду, подумал, что он так и не знает имени девушки, с которой предстоит путешествовать. Капитан называл ее официально «товарищ Мишина». А спросить ее имя Егорушкин постеснялся.

Теперь, чтобы не вдаваться в детали подготовки, в разные подробности и мелочи, без которых, как известно, не обходится ни одно предприятие, давайте терпеливо подождем ночи. А чтобы время не пропало даром, скажу несколько слов о границе.

В томе 18 от «Гравелать» до «Довенантъ» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона с твердыми знаками, ижицей и ятью сказано: «Граница — черта, разделяющая два смежных владения». В томе 12 Большой Советской Энциклопедии от «Голубянки» до «Грозовки»: «Границы государственные — линии действительно обозначенные на земной поверхности или воображаемые (но обозначенные на карте), отделяющие территорию одного государства от территории других государств и от открытого моря».

Конечно, энциклопедические словари пишут ученые люди, и остается только уважать строгость и краткость их стиля. Но у меня, например, когда я читаю эти сухие определения, начинают ныть зубы. Поэтому и позволю себе, как муж неученый, обращаться с понятием «граница» несколько более вольно.

Граница — самое удивительное место из всех, где довелось побывать. Граница — это целый каскад противоречивых ощущений. Здесь и покой, и настороженность, и размеренная будничность службы, и вечно волнующая торжественность церемонии приказа на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Вслушиваешься в тишину — а она складывается из шороха ветра в соснах, говора моря, движения реки, хруста песка. А ведь так тихо кругом!

Здесь не говорят «берег», а говорят «урез». Он тянется на много километров — тихий, песчаный, в плеске волн, в белых и розовых ракушках, в темных полосках выброшенной морем травы.

Стоишь на урезе лицом к синеве, глядишь в необозримую трепещущую даль и вдруг в какое-то мгновение подумает: а ведь это — граница. Край моей земли. А там,

за синевой, «ничье» море и еще дальше — чужая земля. И окаменеет на мгновение сердце, и невольно начинаешь озираться, вглядываться в песок. А нет ли на нем отпечатков чужой ступни?

А потом улыбнешься: ведь этот песок просмотрен пядь за пядью прошедшим недавно нарядом. От солдатских зорких настороженных глаз не укроется даже крохотный птичий след. Солдаты свое дело знают!

И все-таки, возвращаясь на заставу, будешь глядеть по сторонам, вглядываться в тени сосен, вслушиваться в хруст сухих игл. Потому что, если попал на границу, сам становишься пограничником. Граница — это прежде всего состояние вечной готовности встретить врага лицом к лицу.

6.

Но мы несколько отвлеклись, а уже смеркается. Пора на пограничный корабль.

Чувствуете, как его покачивает на волнах — мягко-мягко, с борта на борт? Это потому, что он идет вдоль побережья. Ходу часа на два с небольшим. Ночь коротка, поэтому вышли засветло. И только теперь небо померкло, лишь краешек его еще едва голубеет, и выпали звёзды, словно день пооборвался в пути, оставил на невидимых в темноте ветвях обрывки светящейся своей одежды, и вот они дрожат, переливаются, тронутые теплым ветром.

Капитан Мишин приказал Лене и Егорушкину поспать в матросском кубрике. Егорушкин спит. У солдат вообще удивительное свойство — засыпать в любое время суток и просыпаться бодрым в любую минуту.

А Лена взбудоражена, ей не уснуть. Она поднялась по узенькому трапу на палубу и всматривается в притихший черный берег, где то и дело вспыхивают лучи одиноких прожекторов, прокладывают в море дорожку ослепительной голубизны и шарят, перебирают волны.

Дежурный сигнальщик с любопытством поглядывает на нее сверху, с прожекторной площадки. И командир

корабля, капитан-лейтенант, поглядывает на нее из рулевой рубки. Рядом с ним стоит капитан Мишин.

— Как зовут девушку?

Мишин обернулся. Увидел Лену. Нахмурился.

— Товарищ Мишина.

— Однофамилица?

— Сестра.

— Товарищ Мишина, — позвал капитан-лейтенант, — подымайтесь к нам в рубку.

Лена улыбнулась, прошла по палубе, нетвердо ступая.

— Впервые на корабле?

— Впервые.

— Нравится?

— Очень.

— Не укачивает?

— Нет-нет. А верно, что женщина на корабле приносит несчастье?

— Я не суеверен, — сказал капитан-лейтенант. — А вообще-то, да.

— А я слышала, что есть даже женщины-капитаны. — сказала Лена с вызовом.

— То — на судах, а это — корабль. Кораблем именуется военное судно. В отличие от гражданских, которые именуются просто судами.

— Спасибо за справку.

— Почему ты не спишь? — сердито спросил Мишин.

— Я же не прошла боевой и политической подготовки. Я могу уснуть только по собственному желанию. — Лена вздохнула и развела руками, дескать, что поделаешь! — Но я со временем научусь искусству засыпания. Я потренируюсь.

Матрос, стоявший у руля, фыркнул, сдерживая смех.

— На румбе? — спросил строго капитан-лейтенант.

Матрос ответил.

— Так держать.

— Есть так держать!

Край неба погас. Стало темно.

— Капитан Мишин, — сказала Лена. — Они поймают нас прожектором еще в море. И встретят на берегу.

— Не поймают, — усмехнулся Мишин.

— Почему ты так уверен?

— Военная хитрость. Этот корабль проводит учение, и в связи с этим район моря, где он будет находиться, в течение сорока минут не будет освещен.

— А разве прожектора не светят когда захочется?

— На границе нет такого понятия «хочется — не хочется». На границе есть приказ.

— Извини, я такая безнадежно штатская!

— Подходим, — сказал капитан-лейтенант. Корабль замедлил ход. Матросы, словно бесплотные тени, метнулись на нос. Смолкли машины, корабль перестал дрожать, притих, и стало слышно, как плещутся о борт волны. Потом прогрехотала якорная цепь.

На палубу вышел Егорушкин.

— Готовьтесь, — сказал капитан-лейтенант. — Вода как парное молочко.

— Раздевайтесь, — кивнул Мишин. — Пойдете сначала на шлюпке. А там — вплавь. Выходить из моря только по руслу ручья. Ясно, товарищ-сержант?

— Ясно, товарищ капитан.

Егорушкин снял пиджак и рубашку, сел на палубу, стал расшнуровывать ботинки.

— А ты чего? — спросил Мишин Лену.

Лена поежилась. Ей было почему-то неловко снимать платье при всех. Она чуть-чуть покусала нижнюю губу и скомандовала звонко:

— Всем отвернуться!

Мишин посмотрел на нее удивленно и отвернулся вместе со всеми.

Лена торопливо сняла платье и осталась в одном купальном костюме и босоножках.

— Можно наконец повернуться? — спросил насмешливо Мишин.

— Можно.

Матросы, увидев Лену, дружно вздохнули.

— Давайте платье и туфли, — сказал Егорушкин.

Лена скинула туфли и вместе с платьем отдала их Егорушкину. Тот всю одежду сунул в непромокаемый мешок, куда был уложен и сухой паек. Не ходить же лесными тропами в одних мокрых трусах или купальнике!

Было неприятно стоять на металлической холодной палубе, и Лена то и дело подымала то одну ногу, то другую, словно цапля.

Тем временем спустили шлюпку. Мишин сказал:

— Желаю успеха.

Лена и Егорушкин спрыгнули в шлюпку. Матросы по команде немолодого мичмана разобрали весла, и операция «Осечка» началась...

Черный берег надвигался. От него пахло морской травой и перегретыми за день соснами. Когда он придвинулся совсем близко, перестали грести. Мичман сказал шепотом:

— В воду. Давай.

Первым перевалился через корму Егорушкин, стараясь не плескаться, хотя у берега шумел легкий накат. Лена подала ему мешок с одеждой и припасами, потом тоже соскользнула в море вперед ногами.

Мичман помахал им рукой, шлюпка стала удаляться и растворилась в ночи.

Вода была действительно теплой как парное молоко. Егорушкин и Лена поплыли бесшумно, как заправские диверсанты. Когда доплыли до берега, Егорушкин сказал шепотом:

— Сидите в море, на урез не выходите — наследи́м, — он отдал Лене мешок, а сам торопливо побрел по воде, отыскивая русло ручья. Через несколько минут он вернулся.

— Точно высадились. Пошли. Только не следите, а то и уйти не успеем, засекут. Я ведь наших знаю.

Лена побрела по воде вслед за Егорушкиным. Вскоре они дошли до почти совсем пересохшего ручья и свернули в его русло, стараясь ступать в тоненькую струйку

бесшумной воды, чтобы она замыла их след. И тотчас наткнулись на плетень, которым предусмотрительные пограничники перегородили ручей.

— Наших не проведешь, — довольно кивнул Егорушкин. — М-да. Давайте-ка я вас переправлю. — Он обхватил Лену за талию, легко оторвал от земли, пронес над высоким плетнем. — В воду ступайте.

Лена шлепнулась на пятки, разбрызгивая струйку, и чуть не упала. Подумала изумленно и уважительно: «Здоровенный какой, во мне шестьдесят килограммов с мешком».

— Ну-ка, помогите, — прошептал Егорушкин. — Плетень бы не сбить. Наших не обманешь!

Лена протянула ему руки с той стороны плетня.

— Стойте крепче, — прошептал Егорушкин, оперся о ее плечи крепкими ладонями и, подпрыгнув, перебросил свое тело через плетень. Одна нога его ступила на песок.

— Черт, — выругался Егорушкин, наклонился, стер след и даже подул на него. — Пошли.

Они двинулись вверх по ручью, по узкой струе воды. Кругом стояли темные притихшие сосны и неодобрительно перешептывались, шурша иглами. Впереди шел Егорушкин, всматриваясь во тьму, Лена дышала ему в затылок. И когда он внезапно остановился, она наткнулась на него.

— Так не ходят, — сказал Егорушкин тихо. — Надо интервал держать.

— Хорошо.

— Попробуем перепрыгнуть песчаную полосу. Вот здесь, где поуже.

Лена кивнула. Егорушкин снял с плеча мешок, сунул ей в руки. Легко прыгнул к ближайшей сосне.

— Кидайте.

Лена бросила ему мешок и, когда он подхватил его на лету, прыгнула сама.

— Однако вы ловкая, — сказал Егорушкин.

— Да и вы не промах, — прошептала Лена.

Они прислушались к говору сосен.

— Кстати, как вас зовут? — спросил Егорушкин.

— Агент двадцать два-тридцать три. А вас?

— Анна-три-сорок-двадцать четыре.

Они засмеялись тихонько.

— А если серьезно?

— В детстве меня звали Леной.

— А меня Женей. Будем знакомы.

— Холодно, — сказала Лена.

Егорушкин присел на корточки у сосны, развязал мешок, достал одежду.

— Одевайтесь. Еще плащи есть.

— Отвернитесь, пожалуйста, мне надо выжать купальник.

— Хорошо, — сказал Егорушкин и ушел за сосну.

Лена выжала купальник и оделась.

— Готовы? — глухо спросил Егорушкин.

— Готова.

— Тогда пошли. Надо отойти как можно дальше от берега.

Они шли лесом по мягкому настилу из опавших сосновых игл. Иногда под ногами коротко трещала сухая ветка. И каждый раз Лена вздрагивала, словно она была и в самом деле чужая на чужой земле и все кругом, даже сухие ветки, было враждебно ей. Ее охватил азарт, она даже дышать старалась потише. Так бывает с заигравшимися детьми. А разве она и Женя Егорушкин не походили сейчас на играющих в удивительную игру детей? Вот они крадучись пробираются незнакомым лесом. И звезды, проглядывая сквозь кроны сосен, уже не кажутся беспечно трепетными, они смотрят со своей немыслимой высоты настороженно, будто в крадущихся людях и для них таится опасность. Словно могут эти люди влезть на дерево, достать до звезды и — чем черт не шутит! — упрятать ее в свой мешок.

А сосны, они словно нарочно вытащили из-под земли жесткие корни, так и суют их под ноги. Надо было надеть башмаки, а не босоножки. Ведь знала же, что не по песочку ходить придется.

Егорушкину лес казался привычным, таким же, как на своей заставе. И о звездах он не думал, и спотыкался меньше. Шагать в ночи — привычное дело. Служба. Шагать, подмечая все, что вокруг. Запоминая, сопоставляя. Вот старый пень расщеплен топором. Верно, приезжали на рыбалку и искали личинки короедов. На них в мае хорошо язык берет. К шуршанию сосен примешался шум листвы. Впереди низинка? И верно, через несколько шагов потянуло прохладой.

Перешли ковер из мягкого мха, поднялись снова.

— Не устали? — обернулся Егорушкин. — Скоро светать начнет.

— Нет-нет...

И они все шли и шли, а шум моря позади становился все невнятнее и наконец совсем растворился в тишине ночного леса. Лена и не заметила, когда он исчез.

А потом небо побледнело, и звезды стали гаснуть одна за другой. И словно бы от них, пока они сверкали, исходило тепло, потому что вдруг похолодало, и Лена почувствовала озноб.

Егорушкин то ли угадал ее состояние, то ли тоже почувствовал этот предутренний холод. Он остановился и достал из мешка два солдатских плаща.

— Завернитесь-ка.

Лена закуталась в плащ, но он был пропитан той же сырой прохладой, что и воздух вокруг, и земля, и примокшие, насторожившиеся сосны.

— Он, собственно, не для тепла, — пояснил Егорушкин. — Он от собак. Когда собака на вас кинется, стойте на месте, дайте ей вцепиться в плащ.

— Собака? — испуганно спросила Лена.

— Разумеется, в поисковой группе будет служебная собака.

— Понятно.

— Если от нее убегать или отбиваться, она и в горло вцепиться может.

— Да? — Лену трясло, не то от холода, не то от того,

что она отчетливо представила себе, как на нее набрасывается здоровенная овчарка.

— Ого! Однако вас пробрало росой, — сказал Егорушкин сочувственно и откинул полу своего плаща. — Идите-ка сюда. Ну, что ж вы?

Посиневшие губы Лены дрогнули, будто она собиралась заплакать, но она не заплакала, только сказала:

— Зачем вы так...

— Что? — не понял Егорушкин и вдруг покраснел густо-густо, чувствовал, что краснеет, но ничего не мог поделать. Его разозлила мысль, что девушка может увидеть, как он краснеет. Он нагнулся и зачем-то развязал и снова завязал шнурки ботинка.

— Между прочим, мы с вами выполняем особое задание, а не цветочки собираем.

И он энергично зашагал дальше. Лена побрела следом, спотыкаясь о корни сосен. Сейчас ей и в самом деле хотелось заплакать.

Вскоре Егорушкин остановился, огляделся внимательно, выбрал местечко поудобнее, под высокой сосной.

— Можно отдохнуть.

Лена увидела маленький подосиновик с коричневой головкой, сорвала его, повертела в руках.

— Есть хотите? — спросил Егорушкин.

Она не знала, хочет есть или нет. Ей хотелось сейчас только согреться, потому что влажная прохлада пробралась, кажется, уже до самых костей и все вокруг было холодным. Она бросила маленький подосиновик, который словно жег пальцы. Потом Лена тихонько подошла к Егорушкину, села рядом, забралась под полу его плаща, прижалась спиной к его теплomu боку.

Так они сидели молча некоторое время. Лена отогревалась. А Егорушкин шелохнуться боялся. Никогда еще в жизни ни одна девушка не сидела с ним так близко. Чудно! Сама простыла, а спина жаркая, словно костер рядом разожгли. И Егорушкину стало вдруг очень хорошо, удивительно хорошо оттого, что вот эта незнакомая девушка так доверчиво отогревается возле него, Жень-

ки Егорушкина. Ну кому еще на всем белом свете могут достаться такие немыслимые минуты! У него затекла, одеревенела рука, на которую опирался, но он боялся пошевелиться, потому что движение могло спугнуть ее. А она была птицей, нездешней жар-птицей. Дикой, не прирученной птицей. И каждое мгновение могла улететь. Нет уж, лучше пусть станет рука деревянной.

А между тем лес ожил. Первые золотые нити запутались в соснах. И вдруг из-за стволов появилась косуля. Она остановилась и устремила взгляд огромных лиловых глаз на сосну, к которой приросли два странных существа. Ветер донес до нее запах человека, запах опасности. Но люди обычно двигаются. Может быть, это вовсе не люди? Косуля повела ушами, постояла немного, пытаясь разгадать эту странную загадку. Но она была всего-навсего косулей и, так ничего и не поняв, бросилась в сторону и исчезла.

— Какая прелесты! — сказала Лена. — Кажется, мне уже хочется есть, — она отстранилась от Егорушкина, но так мягко и неторопливо, что у него сохранилось ощущение, будто она все еще рядом.

Он потряс онемевшей рукой, непослушными пальцами развязал мешок. Достал припасы. Острым ножом отрезал ломти от кирпичика хлеба. И они стали завтракать. О, это был удивительный завтрак! Хлеб с маслом и колбасой и кусочки пиленого сахара. Всего-навсего. Но Лене казалось, что вместе с маслом на хлеб намазали солнце, и сосновую смолу, и еще что-то, чего никогда не получишь в городе. Она откусывала от бутерброда неторопливо и жевала медленно, наслаждаясь каждым кусочком. И Егорушкин ел не спеша, потому что знал, когда окончится завтрак, надо будет встать и идти. А когда они встанут и пойдут, нарушится что-то непонятное, такое, чего никогда на свете не было и, может быть, не будет больше.

Но поскольку Лена и Егорушкин не спешат, оставим их на время и вернемся к месту, где они вышли из моря, потому что к этому месту подходит наряд пограничников.

Впереди — старший наряда ефрейтор Чурсин. Мы с ним еще не знакомы. Служит он на заставе второй год, а на вид ему не больше шестнадцати. Уж очень он маленького роста. И тяжелые кирзовые сапоги на нем кажутся чужими. Наверно, так выглядел Мальчик-с-пальчик в сапогах-скороходах. Только тот двигался быстро, а Чурсин еле передвигает ноги. Но это только так кажется со стороны. Ефрейтор Чурсин — крепкий парень. И не зря у него на гимнастерке поблескивают значки «Воин-спортсмен» и «Отличный пограничник».

Шагах в десяти позади старшего идет солдат Курилов, молодой, неопытный, но достаточно самоуверенный. Впрочем, эти болезни излечимые. Придет опыт — исчезнет самоуверенность. У Курилова кроме автомата на поясе ракетница и набор ракет в брезентовой сумке. Из кармана шаровар торчит телефонная трубка.

Они идут по урезу, под сапогами хрустит песок нахоженной нарядами тропы. Ни шагу влево или вправо, там песок чист и гладок, птица пройдет — метку оставит. Рядом тихо плещется море. Вот и конец пути, русло ручья. Здесь наряд повернет и обратно пойдет лесом.

Чурсин подошел к плетню и остановился. И Курилов остановился, не сокращая расстояния до старшего.

— Курилов, иди-ка сюда, — позвал Чурсин и, когда Курилов приблизился, спросил: — Ничего не замечаешь?

Курилов огляделся. Ничего особенного нет — ни следов, ни примет, которых не было раньше.

Он спросил:

— А чего замечать-то?

Чурсин присел на корточки возле плетня. Едва слышно журчала узкая струя воды. В одном месте слева темнела заполненная водой ямка. Не след, нет. Но и ямки

здесь вроде бы не было. А может быть, была? Он внимательно осмотрел плетень. Не тронут. Но ямка... Если бы можно было сказать о человеке «ощетинился», я бы сказал: Чурсин ощетинился. Словно почуяв что-то неладное, он напружинился, застыл.

Курилов затоптался, удивленно озираясь: ничего непривычного вокруг не было, чего это Чурсина разбieraет?

— Стой спокойно. Наследишь, — негромко сказал Чурсин.

А может, он и в самом деле увидел что-то такое, чего он, Курилов, не видит? Показать себя хочет. Ну-ну, вернемся на заставу, уж я расскажу ребятам, как Чурсин плетень нюхал!

А Чурсин действительно нюхал плетень. Он подошел к нему по воде вплотную, осмотрел внимательно, заглянул на ту сторону. И там приметил ямку, наполненную водой. Точно такую же, как и первая, непохожую на след, но и непонятно откуда взявшуюся. Он постоял немного, раздумывая и присматриваясь. Потом так же осторожно, чтобы не наследить, отошел.

— Надо доложить.

Курилов удивился:

— Про что докладывать-то?

— Про что, про что? Возьми глаза в руки. Видишь, ямка с водой?

— Ну?

— Вот тебе и ну. И на той стороне такая же ямка.

— Ну?

— Откуда они взялись?

Курилов только плечами пожал.

— Может, здесь кто-то через плетень перебрался.

— На крыльях? — съязвил Курилов.

Но Чурсин оборвал его:

— Разговорчики. Младший наряда Курилов, соединитесь с заставой. Доложите дежурному: у ручья обнаружены ямки с водой неизвестного происхождения. Принимаю решение двигаться вверх по ручью.

— Есть доложить про ямки и что принято решение двигаться вверх по ручью, — повторил Курилов и скрылся в соснах.

8.

Уж откуда и как он свяжется с дежурным — не наше с вами дело. У границы свои добрые тайны. А пока ефрейтор Чурсин снова и снова осматривает устье ручья, солдат Курилов докладывает дежурному, а Лена и Егорушкин приканчивают завтрак, не пропустить бы нам троицу — Яна, Антошу и Дзинтру. Нет, не зря я вас с ними познакомил. Как чувствовал, что мы их еще встретим в лесу. Правда, они без Грома. Потому что собирают грибы. А собирать грибы и одновременно воспитывать собаку, сами понимаете, невозможно. Тут уж надо выбирать что-нибудь одно: или грибы, или собаку. Но грибы лучше собирать с утра, а собаку можно воспитывать в любое время суток. Поэтому сейчас отдано предпочтение грибам.

Ребята не разбредаются, идут дружной стайкой. Грибов много. Только что взошло солнце, оно заглядывает в плетеные из тонких прутьев ивняка корзины и, наверно, с завистью подсчитывает крепенькие буроголовые боровички. Искать грибы, даже когда их много, не так уж просто: поиск требует внимания и сосредоточенности. Поэтому троице не до разговоров, и все-таки они перебрасываются короткими фразами. Так как говорят они на родном языке, то нам непонятно, о чем идет речь. С уверенностью могу сказать, что, видимо, речь идет о собаке, потому что часто повторяется слово «Гром».

А между тем Лена и Егорушкин покончили с завтраком и собрались было идти дальше. Вдруг Егорушкин насторожился и прислушался. И Лена притихла.

— Ходит кто-то неподалеку, — сказал Егорушкин шепотом.

Они снова прислушались. Из лесу донеслись ребячьи голоса.

— Ребята. Верно, грибы собирают, — сказала Лена.

— Надо спрятаться.

— Зачем?

— Чтобы они нас не увидели.

— А если увидят? — удивилась Лена.

Егорушкин усмехнулся:

— А если увидят, считайте, что нас поймали.

— Так уж сразу.

— Я-то знаю пограничных ребятишек! — сказал Егорушкин серьезно и, взяв Лену за руку, повел ее между соснами, шепнув: — Ступайте осторожнее.

Ребятичьи голоса умолкли. Егорушкин нахмурился сердито и подозрительно осмотрелся. С чего бы это они смолкли? Что их спугнуло?

А ребята притихли потому, что почуяли движение в лесу. Не услышали, а именно почуяли. Потому что, чем бы они ни занимались, что бы ни делали, никогда не забывали, что они ЮДП — юные друзья пограничников. Если бы кто-нибудь и забыл об этом, Ян напомнил бы — начальник штаба!

Они умолкли и притаились, и уже ни один звук не мог ускользнуть от их ушей, ни одна тень не могла спрятаться от их глаз. Без команды они встали редкой цепочкой и двинулись вперед, не упуская друг друга из виду. Вот Ян поднял руку, и все остальные окаменели, словно в изваяния превратились. Ян сделал знак, все снова двинулись вперед, но теперь уже пригнувшись, выбирая укрытия — кусты, стволы деревьев, бугорки. Вот что значит выучка и тренировка! Без звука, быстро, как бессловесные тени, как сказочные лесные лешие.

Неподалеку хрустнула ветка. И все стихло. Ян махнул рукой, товарищи его легли на землю и поползли.

Маленькие партизаны, трубачи, дети полка, разведчики, которые стали теперь взрослыми, посмотрите, какая вам выросла смена!

Первым заметил притаившихся Лену и Егорушкина Антоша. Он замер и сделал знак Яну. Тот подполз к нему, и они вместе сквозь молодой ельник стали рассматривать парня и девушку.

Парень и девушка были чужими — местных ребята знали. И вели себя странно: стояли неподвижно, и по лицам их было видно, как чутко прислушиваются они. К чему? Чего может бояться человек в этом пронизанном солнцем лесу, если он не пришел сюда со злом?

Ян наклонился к уху Антоши:

— Беги сообщи на заставу. А Дзинтра пусть приведет Грома. Я останусь следить.

Тут Антоше ужасно захотелось чихнуть: то ли пылин-ка в нос попала, то ли еще что. Ведь известно, что чихать хочется именно тогда, когда ни в коем случае нельзя чихнуть. И чесаться хочется, когда нельзя чесаться. Антоша зажал рот и нос руками, надулся пузырем, покраснел, из глаз полились слезы. Ян посмотрел на него без сожаления, с угрозой. Антоша только кивнул понимающе и пополз обратно, отчаянно зажимая рот и нос. И только когда отполз на безопасное расстояние и встал на ноги, собрался наконец чихнуть. Но расхотелось. Всегда так — когда можно, не чихается. Вздохнув, он бросился бежать на ближайший хутор звонить по телефону. Дзинтра помчалась в деревню за Громом. А Ян остался в кустах. Двое неизвестных некоторое время стояли неподвижно. Потом парень взял девушку за руку, и они исчезли в ельнике.

Сердце Яна то билось часто, то замирало, потому что он был рядом с опасностью. Неизвестные, безусловно, под подозрительными плащами прятали ножи и пистолеты. А может быть, автоматы. Яну даже показалось, когда неизвестные переходили полянку, что под плащом у парня топорщится приклад. И лицо какое-то у него — типичный шпион и диверсант! Нахальное, глаза бегают. А девушка ступает, словно кошка. Хитрая. В руки таким попадешь — живому не быть!

И знаете, я понимаю Яна — как часто мы видим не то, что есть на самом деле, а то, что нам хочется увидеть. И я бы на его месте тоже удвоил бдительность, превратился бы в ужа и ждал бы с таким же нетерпением верного Грома и пограничников. Ведь если вдуматься — это

удача, невероятная удача, что именно он и его товарищи обнаружили шпионов! И пусть опасность рядом, пусть даже иногда от страха холодеет сердце, он не упустит опасных пришельцев из виду. Он тенью пойдет за ними хоть на край света, хоть до самого города. Пусть даже погибнет в рукопашной схватке, но эти чужие, что крадутся по лесу, будут пойманы. Им не уйти — здесь граница. Так думал Ян, начальник штаба ЮДП.

Пока Ян преследует Лену и Егорушкина, отойдемте в сторонку. Мы с вами не следопыты и не сможем так бесшумно двигаться по лесу, как он, наступим еще нена роком на какую-нибудь паршивую ветку и испортим ему все дело. Ведь у Егорушкина тоже опыт и чуткий слух.

9.

Заглянем-ка на заставу.

Там уже скомандовали «В ружье». Кто не слышал этой команды на заставе, многое потерял. За высоким забором стоят несколько домов, разбит садик, пестреют цветочные клумбы, над которыми лениво жужжат пчелы. Дорожки аккуратно подметены и присыпаны песком. В хлеву коровы пережевывают жвачку. Лошадь мирно трется боком о столбик коновязи. Возле стоит телега, устало опустив оглобли. Из открытого окна кухни тянет чуть пригорелой кашей. Повар что-то напевает тихонько. Спят солдаты, вернувшиеся с ночного наряда, спит начальник в своей маленькой квартирке. Только дежурный сидит за обшарпанным письменным столом и что-то пишет. Да часовой на вышке у ворот старается подставить спину солнцу.

И вдруг — «В ружье!» И в ту же секунду все приходит в движение, еще не проснувшиеся солдаты уже натягивают шаровары, накручивают портянки, суют ноги в сапоги. И вот уже полы гремят. Начальник заставы выскакивает в садик, застегивая на ходу ремень с пистолетом. Песня повара обрывается. Лошадь настороженно прядет ушами. И даже коровы перестают жевать свою жвачку.

Прошла минута — и в длинном коридоре стоит суровый строй, черны стволы автоматов. Радисты проверяют связь. На хозяйственном дворе деловито урчит мотор «газика», часовой, словно свалившийся с вышки, открывает ворота.

Застава готова выполнить любой приказ. И пусть слова эти примелькались, стали затертыми — нет слов, более точно передающих состояние людей после команды «В ружье». И если вы — штатский гость на заставе, вы тоже застегнетесь на все пуговицы и будете стоять по стойке «смирно». И если вам прикажут пойти в огонь и в воду — вы пойдете, потому что все здесь пронизано постоянной готовностью к бою. Здесь — граница. И вы просто не сможете стать исключением.

Вот уже принято решение. Поисковой группе и группам перехвата поставлены задачи. Начальник заставы, трое пограничников, радист и служебная собака садятся в «газик». Машина срывается с места, по проселку вылетает на урез, круто сворачивает и мчится вдоль моря прямо по песку. Люди молчат. Только собака громко дышит, высунув набок длинный язык. Ей в машине жарко, но она ко всему привыкла и, изредка вздрагивая бровью, посматривает чуть прищуренным понимающим желтым глазом на своего проводника: «Будем работать?» И проводник тихонько похлопывает ее по спине: «Наверно, будем».

Ручей. Начальник заставы быстро подходит к поджигающим его Чурсину и Курилову.

— Товарищ майор, докладывает старший наряда ефрейтор Чурсин. Обнаружены подозрительные ямки в песке возле самого русла. Ямки заполнены водой. Вверх по ручью явных следов человека нет. Плетень не тронут. Но нарушитель мог пройти вверх по воде.

— Почему вы предполагаете, Чурсин, что здесь бывал нарушитель?

— Ямки, товарищ майор. Одна по эту сторону плетня, другая — по ту. Словно бы прыгал кто-то.

Начальник заставы осмотрел ямки. Сдвинул фуражку на затылок.

— Проверить надо. Левченко, проведите Майду вдоль ручья.

Услышав свое имя, овчарка подняла голову и посмотрела сперва на майора, потом на своего хозяина. Проводник подвел ее к плетню:

— След, Майда, след.

Собака беспокойно завертелась на месте, обнюхала ямку, прыжком перемахнула через плетень, обнюхала вторую ямку и снова завертелась, беспокойно глядя на Левченко.

— Интересно, — сказал начальник заставы. — Пойдем вверх.

Левченко, осторожно ступая по воде и немного отпустив поводок, повел Майду рядом с собой по берегу ручья. За Левченко пошли остальные. На том месте, где Лена и Егорушкин перепрыгнули через полосу песка, Майда забеспокоилась, заметалась, обнюхивая укрытую пожухлыми сосновыми иглами землю, и натянула поводок.

— Есть след, — почему-то сдавленным голосом сказал Левченко.

— Передайте на заставу: собака взяла след. Углубляемся в лес. Доложить обстановку оперативному дежурному в отряд. Связь держать постоянно.

— Есть! — Радист, двигаясь вместе с поисковой группой и стараясь не спотыкаться о корни, на ходу связался с заставой.

10.

А Ян все преследовал «диверсантов», но как бы тихо он ни двигался, Егорушкин все-таки его засек. В общем-то, Егорушкина не удивило это преследование. В конце концов, не могли же их не обнаружить! На то она и граница. Но мальчишка показался ему назойливым, потому что нарушал то, что незримо было рядом с ним и с Ле-

ной. При мальчишке он даже поговорить с девушкой не мог. И это было обидно. Егорушкин решил отделаться от доморощенного сыщика, припугнуть его.

— Лена, идите вперед одна. Я вас догоню.

Лена посмотрела на него вопросительно и удивленно, но послушно кивнула и пошла дальше, не таясь. А Егорушкин спрятался за сосну. Увлеченный погоней, Ян не заметил западни и попался.

Как только он прошел, крадучись, мимо Егорушкина, тот схватил мальчишку за ворот рубашки и спросил:

— Ты чего за нами ходишь? А?

Интересно, что бы вы почувствовали на месте Яна? Испугались бы тоже небось. Ведь мальчик не знал, что за шиворот его держит сержант Егорушкин. Он же еще не читал этой повести. Он побелел, вернее, пожелтел, потому что кровь от лица отлила, а загар-то остался. Шуточное ли дело, попасть в лапы шпиона?! На какое-то мгновение в глазах у мальчика потемнело и ноги стали ватными. Но мгновение не может длиться долго, это общеизвестно. Поэтому, как только оно прошло, Ян рванулся, оставив ворот рубашки в пальцах Егорушкина, потом ударил своего противника головой в живот и бросился бежать. Он бежал сквозь колючий ельник, царапая руки и ноги, внезапно падал, вновь вскакивал, бросался из стороны в сторону. И не от страха. Он петлял, потому что ждал выстрела. Но шпион не стрелял. Видно, боялся себя обнаружить. Наконец Ян остановился, перевел дыхание, сердце яростно билось у самого горла.

Что же получилось? Шпион его перехитрил. Он, Ян, еле вырвался из его грязных лап. Разве доводилось кому-нибудь видеть у шпиона чистые лапы? И он, Ян, упустил шпионов! И только сейчас понял, что не сумел погибнуть как герой и ценою собственной жизни задержать врага. Это было ужасно. И любой другой мальчик на месте Яна расплакался бы. Но Ян был начальником штаба ЮДП. Такие не плачут. Он только высморкался и повернул обратно к тому месту, где поймал его шпион. Второй раз он не попадется в ловушку! Не-ет!

А Лена и Егорушкин шли по краю лесной дороги. И Егорушкину очень хотелось взять ее за руку. Просто взять ее теплую ладошку в свою и так шагать невесть куда. Прямо наваждение какое-то!

11.

А Майда в это время тянула поводок, и поисковая группа еле поспевала за ней. Радист все что-то бормотал в короткую черную эбонитовую трубку, торчавшую у самого рта. Антенна болталась за его спиной, как огромный тараканий ус.

— Товарищ майор, — вдруг сказал он начальнику заставы, — с ближнего хутора сообщили, что видели двоих неизвестных в лесу, мужчину и женщину.

— Ясно.

Уж мы-то с вами догадываемся, кто сообщил о неизвестных на заставу. Конечно, Антоша!

А Дзинтра уже бежала лесом следом за Громом. Гром не давал ей ни на минуту остановиться и передохнуть. Она велела ему искать Яна, и весь лес казался Грому просто пропахнувшим Яном. Даже не надо было опускать нос к земле. И наверно, Гром удивлялся, почему Дзинтра сама не может найти Яна. Ведь это же так просто. Вообще, наверно, мы очень удивляем собак нашей человеческой неполноценностью. неумением делать такие, казалось бы, примитивные вещи. Возможно, что они нас даже жалеют своей скупой собачьей жалостью.

Позвольте, что это рокочет на шоссе? Ах да, чуть не забыл главного. В голубой «Волге», что мчится как ветер, рядом с шофером сидит начальник отряда, а на заднем сиденье — капитан Мишин. Они еще не знают, что застава поднята «В ружье», что поисковая группа идет по следу, и уж подавно не знают ни про Дзинтру, у которой скоро не хватит дыхания, потому что Гром все тянет и тянет ее сквозь лес, ни про Яна, который все-таки разыскал пропавших шпионов и снова преследует их, ни про Антошу, который как раз в это время выскакивает на шоссе.

Антоша увидел «Волгу», замахал руками, закричал:

— Стойте! Стойте!

Шофер затормозил. Потому что здесь — граница, и мало ли чем может быть взволнован этот пляшущий на месте цыганенок.

Антоша подбежал к остановившейся «Волге», заговорил торопливо, глотая слова и заменяя проглоченное яростными взмахами рук.

— Това... чальники... Там... это... версанты... Два... Ян... сле... дет...

— Говори спокойней, а то мы тебя не пойдем, — сказал начальник отряда.

— Диверса... там... два... двое... Шпио... Шпионы.

— Шпионы, говоришь? Где?

— Там... В ле... Ян... идет по сле... по следу.

— Двое, говоришь? — переспросил полковник и переглянулся с Мишиным. — А какие они?

— Страшные... В плащах... Прячутся... Это я их... увидел. Мужчина и женщина. Потом побежал звонить.

— Позвонил?

— А как же... На заставе знают.

— Ну, молодец, — неопределенно проговорил полковник, повернулся к Мишину. — Пройдем в лес. На заставе уже знают, — и снова обратился к Антоше: — Тебя как зовут?

— Антоша.

— Можешь, Антоша, показать нам, где ты видел этих самых шпионов?

— Могу.

Офицеры вышли из машины и пошли вслед за Антошей. И уже в лесу слышали залиvistый лай собаки.

— Это наш Гром лает! — восторженно сказал Антоша и прибавил шагу.

Лаял действительно Гром, потому что он наконец догнал Дзинтру до Яна. Обессиленная Дзинтра упала на землю, тяжело дыша и утирая пот с лица рукавом клетчатой рубашки. А Гром радостно бросился к Яну, изливая свою собачью радость, залаял. Ни один благотво-

танный пес не стал бы так бурно изливать свою радость и уж по крайней мере огляделся бы вокруг, нет ли посторонних! А в десятке шагов замерли Лена и Егорушкин. Услышав лай, Лена побледнела и испуганно прижалась к Егорушкину, ища защиты. И Егорушкин, вместо того чтобы сердиться на собаку, мысленно почему-то поблагодарил ее, хотя это было и не логично.

Поняв, что Гром выдал его с головой, и ожидая неминуемого нападения, Ян выпрямился и крикнул Грому:

— Чужие, Гром! Фас! Фас!

Гром ошетинился, зарычал и, словно брошенный из пращи камень, полетел прямо на незнакомых людей, стоявших у края лесной дороги. Кое-чему его научили!

Лена вскрикнула. Егорушкин оттолкнул ее и бросился навстречу собаке, чтобы защитить девушку, но споткнулся о корень и, падая, почувствовал у самого лица жаркое дыхание пса. Поднял руки, защищая горло. Но Гром еще не всему научился, поэтому порвал Егорушкину штанину, прокусил ногу и стал прыгать вокруг него, хватая за полы пиджака.

В то же мгновение в ответ на яростное рычание Грома раздался короткий собачий лай, и из лесу, натягивая поводок, выбежала Майда, а за ней поисковая группа пограничников.

— Руки вверх! — скомандовал майор.

Лена, помня наставления Егорушкина, подняла руки. Ян оттащил Грома от лежащего на земле Егорушкина, тот встал и тоже поднял руки.

— Обыскивайте его скорее!.. — крикнул Ян пограничникам. — Он весь вооруженный.

Но солдаты и без того знали свое дело. Они ощупали плащ Егорушкина и никакого оружия не нашли, кроме, впрочем, того самого ножика, которым он резал хлеб.

Лена, чтобы ее не обыскивали, торопливо скинула плащ, и все поняли, что ей просто негде спрятать оружие.

— Прошу предъявить документы.

— У нас нет документов, — сказал Егорушкин.

— Это верно, — произнес чей-то голос в лесу, — у них нет никаких документов.

И из-за сосен, как вы и сами догадываетесь, появились начальник отряда полковник Скачек, капитан Мишин и Антоша.

И не подумайте, пожалуйста, что я нарочно свел всех вместе прямо здесь, на лесной дороге. Логика событий привела их сюда, а я тут абсолютно ни при чем.

— Товарищ полковник, докладывает майор Акентьев. Задержаны двое неизвестных.

— Ясно, товарищ майор. — Начальник отряда повернулся к Егорушкину: — Вы что, ранены?

— Собака покусала. Вот этот вот черт!

— Перевяжите.

— Есть, — сказал один из солдат и достал из кармана индивидуальный пакет.

Лена подошла к Егорушкину, взяла у солдата пакет.

— Я перевяжу.

Егорушкин сел на землю, она склонилась над ним и стала аккуратно бинтовать прокушенную ногу. Егорушкин увидел прямо перед глазами ее темные блестящие волосы, даже уловил их запах — они пахли морем и солнцем. И вот ведь как престранно устроен человек: морщась от нестерпимой боли, он пожалел, что Гром не прокусил ему и вторую ногу.

— Ну что ж, спасибо за службу, товарищи пограничники!

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили пограничники, хотя еще ничего не поняли и автоматы держали наизготовку.

— Учения окончены, разбор сделаем позже, — сказал полковник, чтобы внести ясность. — Можете, товарищи, следовать на заставу.

— Есть, — ответил майор Акентьев, — следовать на заставу. Он отер ладонью мокрую шею. Обернулся к радисту: — Тревожной группе возвратиться на заставу. Да-а, задали вы нам гонку, товарищ полковник.

Начальник отряда улыбнулся.

— Пожалуй, и я с вами пройду до заставы. Пёхом. Утро-то какое! А «нарушителей» капитан Мишин отвезет на машине в город. Да и ребят пусть прихватит.

— Значит, они не настоящие? — спросил Ян с обидой.

— А тебе настоящих подавай! — засмеялся полковник. — Разве настоящий так далеко уйдет? Целый штаб обеспечивал их высадку, и то уйти не смогли.

— От нас не уйдут! — сказал Ян серьезно.

Полковник и поисковая группа скрылись за деревьями.

— Пошли, ребята, — пригласил Мишин.

— Нет, мы останемся, — сказал Ян. — Будем операцию разбирать.

Конечно же, очень хотелось прокатиться на «Волге», но дело — прежде всего. Бывшие «нарушители» и капитан Мишин распрощались с ребятами и пошли к шоссе. Гром дружелюбно твякнул им вслед.

— Это все, что осталось от моих штанов? — спросил Мишин, косясь на разорванные в клочья брюки.

— Все, товарищ капитан.

— Не густо, — вздохнул Мишин. — И ты, наверно, страху натерпелась?

— И ничуть. С Егорушкиным ничего не страшно!

— Да? Жалко мне Егорушкина. Придется опять отпуск отложить. Три десятка уколов.

— Вот это здорово! — обрадовался Егорушкин, посмотрел на Лену и покраснел.

Думаю, что и вы согласитесь с капитаном Мишиным, который подумал: «Станный человек, плакать надо, а он радуется». А Лена почему-то тоже покраснела.

Впрочем, мы с вами этого уже не увидели, потому что операция «Осечка» закончилась, и нам с вами больше нечего делать в этом лесу.

До свидания, сосны! До свидания, солнце, и ты, море! До свидания, юные друзья пограничников! До свидания, солдаты и сержанты, матросы и старшины! До свидания, товарищи офицеры! Желаем вам всем стать генералами. До свидания, край земли моей, Граница!

СОДЕРЖАНИЕ

Сегодня солнце не зайдет (повесть)

Часть первая. Днем 5

Часть вторая. Ночью 56

Осечка. Маленькая повесть с переодеванием, погоней и
собакой по кличке Гром 89

Илья *ТУРИЧИН*

СЕГОДНЯ СОЛНЦЕ НЕ ЗАЙДЕТ

Главный редактор *М. СМЕРНОВ*

Литературный редактор *В. ГОЛАНД*

Художник *Ю. РОГОЗИН*

Технический редактор *Е. КУЗЬМИШКИНА*

Корректор *Л. РОГОВА*

Г-53343

Сдано в набор 19.VIII-68 г.

Подписано к печати 14/IX-68 г. Формат 70×108/32

Объем 4 п. л. (усл. п. л. 5,48) Уч. изд. л. 5,8.

Цена 20 коп. Зак. 508

Типография журнала «Пограничник»

Scan, DJVU: Tiger, 2013

Цена 20 коп.